

Н
А
Ц
И
О
Н
А
Л
Ь

*Просветительский
проект*



Редакционная коллегия:

В.В. Арсентьева

И.И. Карлов

Е.Н. Кошкина

Националь: просветительский проект / Сост.
В.В. Арсентьева.—Екатеринбург: Свердлов. обл.
межнац. б-ка, 2006.— 100 с.

Ответственный за выпуск: Т.Х. Новопашина



Националь: как построить «Дом дружбы»?

Жизнь национальностей на пространстве, когда-то именованном СССР, никогда не отличалась простотой и ясностью в силу исторически сложившейся полиэтничности этого государства. Советский Союз, в равной мере охватывающий Европейский и Азиатский континенты, служил мостом на разломе между Востоком и Западом. Созданный по принципу союза входящих в него европейских и азиатских республик, он выполнял функцию двустороннего транслятора культур из Европы в Азию и обратно, на его территории практически решались задачи сближения различных цивилизаций, закладывались основы интеграционных процессов.

Прошло 15 лет после распада СССР, но глубинные связи между нашими народами не исчезли, поэтому сегодня, когда прошла «эйфория от парада суверенитетов», актуальным остается вопрос о том, как наладить отношения России с бывшими «сестрами-республиками», как обустроить совместное бытование многочисленных народов внутри страны. Ведь полиэтничность является «неизменной константой» и российской истории, также формировавшейся на «перекрестке миров». Россия, с невероятным этническим многообразием, охватывающим Европу и Азию, четыре мировых религии и целую шкалу различных образов жизни и экономических укладов, самой своей исторической судьбой призвана слу-

Однако, создавая новый российский «Интер-национал», нельзя забывать об угрозе ассимиляции, о том, что новое единство должно оставаться многообразным, многоцветным. Когда в известной детской сказке Э. Успенского Крокодил Гена и Чебурашка со своими друзьями строили «Дом дружбы», каждый из участников строительства красил его своей любимой краской. В результате дом получился не только красивым и ярким, но и любимым, родным для всех друзей. Этот мудрый опыт окажется полезным и для построения нашего российского общества. Понятно, что каждая нация, народность, этническая группа – составная часть всего народа нашей страны. Язык, обычаи, традиции каждой из них принадлежат всей общности, все они составляют ее разнообразие. Наша российская интернациональная культура – это не простая сумма национальных культур, а творческий синтез идей, форм, достижений культур всех наших наций и народностей. Потеря одной из них будет, по сути, общей потерей. Поэтому создание условий для процветания каждой из них также важно, как и создание условий для общего развития.

Необходимость сохранения многообразия российского общества приводит к необходимости внимательного изучения составляющих его отдельных национальных культур во всем богатстве их проявлений. Иными словами, чтобы понять интернациональное, нужно, в первую очередь, отталкиваться от национального: когда и как формируется нация, что определяет ее характер, ее содержание. Об исторических, социальных, экономических, географических условиях, создающих «тело» нации в разное время и в разных странах велись ожесточенные споры и дискуссии. Многие исследователи главными признаками, определяющими природу того или иного этноса, признают географическое пространство, язык, письменность, культуру и, конечно, литературное творчество. Служат основой для создания этой целостности и национальной индивидуальности также многочисленные факторы экономического, исторического, социального, психологического свойства. Когда эти элементы, взаимно проникая друг в друга, образуют единство, тогда и возникает нация.

Итак, чтобы понять сложную, многообразную природу национальных культур российских народов, нужно, прежде всего, рассмотреть такие глобальные вопросы, как географические условия их формирования, исторические судьбы, происхождение и развитие национальных языков и письменности.

Чтобы представить все богатство той или иной национальной культуры, наряду с основными факторами ее формирования, очень уместно рассмотреть и отдельные, частные ее проявления – от сказки и шутки до кухни и костюма - из которых, собственно и складывается яркий калейдоскоп народной жизни.

Презентация книжной выставки «Националь»

Раздел I

Национальная география

Шаповалов, В.Ф. Россияведение: учебное пособие для вузов / В.Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 576 с.

Книга представляет собой первое в российской научно-учебной литературе пособие, многосторонне освещающее особенности современной российской цивилизации в ее отличии от иных цивилизаций прошлого и современности. Россия, таким образом, представлена в качестве единого целого – хотя и противоречивого, проблематического, исключительно сложного. Сущность Российской цивилизации раскрывается автором через рассмотрение ряда тематических блоков, в первую очередь - ее природно-географических характеристик, особенностей того евразийского пространства, на котором протекала история России, которое повлияло на формирование неповторимой многонациональной природы Российской цивилизации.

Чагин, Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв.: историко-этнографический атлас / Г.Н. Чагин. – Екатеринбург: Сократ, 2003. – 128 с.: ил.

Атлас завершает создание учебно-методического комплекта «Народы и культуры Урала в XIX-XX вв.». В нем впервые представлено этнокультурное наследие Урала в виде серии карт с условными обозначениями, текстами и иллюстрациями. Издание дает представление о заселении и освоении Урала, а также об ареалах распространения самых разных явлений культуры и повседневной жизни уральских народов: от типов поселений и средств передвижения до праздников и религиозных представлений.

Национальная история

Каппелер, Андреас *Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Андреас Каппелер. – Москва: Традиция: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.*

Автор книги – известный ученый-историк швейцарского происхождения, чьи труды на протяжении последних двух десятилетий формируют концептуальные основы интерпретации российской истории в европейской исторической науке. Эта книга представляет исключительно важную по научной новизне и актуальности попытку преодолеть «русоцентристский» подход, дать общую картину истории России как многонациональной державы, показать, что полиэтничность является неизменной константой российской государственности, без которой ни история страны в целом, ни история отдельных ее регионов и народов не может быть исчерпывающе исследована.

Агеева, Р.А. *Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: словарь-справочник / Р.А. Агеева. - М.: Academia, 2000. – 424 с.*

Книга специалиста по ономастике, кандидата филологических наук Р.А. Агеевой значительно отличается от других энциклопедических словарей, посвященных народам России. Данный словарь сосредоточен на этноисторической и лингвистической информации. Весьма подробно рассказывается об этнической истории каждого народа, на основе каких древних племен он складывался, каковы пути его миграции по просторам России и сопредельных стран. Здесь также представлен обширный материал об этнонимах (названиях народов), почти полностью опущенный во всех других изданиях справочного типа.

Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. – М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 2000. – 388 с.

Эта книга стала попыткой ответа на острые дискуссии, которые ведутся вокруг понимания этнической идентичности, ее роли, рычагов управления межэтническими отношениями. Она – результат первого в России этносоциологического исследования, специально посвященного изучению проблем этнических границ. Речь идет не о территориальных границах, а о тех явлениях – «маркерах», которые способны разъединять народы. Это могут быть явления самого разного порядка - от политической ситуации до религиозности. Авторы на эмпирическом материале социологических исследований показывают, что объединяет и разъединяет людей разных национальностей в республиках и областях, какие условия способствуют межэтнической толерантности и этнической солидарности в Российской Федерации.

Раздел III

Национальный герой

1. Шишов, А.В. 100 великих героев / А.В. Шишов. – М.: Вече, 2005. – 480 с.

Книга военного историка А.В. Шишова посвящена великим воинам-героям разных стран и эпох. По мнению автора, всех героев роднит беспримерная доблесть, великая самоотверженность во имя великой цели, исключительная смелость. Поэтому под символом «героизма» книга объединяет Илью Муромца и Александра Македонского, Атиллу и Милоша Обилича, Александра Невского и Жана Ланна, Лакшми-Бай и Христиана Девета, Яна Жижку и Спартака.

2. Герои русской истории. – М.: Белый город, 2001. – 383 с.: ил.

В настоящей книге представлены биографии людей, не только оставивших свой след в русской истории, но и внесших вклад в развитие мировой цивилизации: правителей, полководцев, деятелей науки и культуры. Через описание жизни и деятельности героических персонажей авторы запечатлели, по сути, всю историю России – со времен глубокой древности до прорыва наших современников в космос. Издание снабжено яркими иллюстрациями – репродукциями известных произведений искусства. Текст дан на русском и английском языках.

Раздел IV

Национальная азбука

Языки Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия в 3-х томах. – М.: Наука, 2000. – 432 с.

Эта книга, в создании которой участвовали крупнейшие лингвисты России, содержит уникальную информацию по ста пятидесяти языкам. В отличие от распространенных у нас энциклопедических словарей она составлена не из кратких статей, а из весьма развернутых и разнообразных очерков, написанных, однако, по единой схеме. Здесь даны сведения по истории становления и развития языков, описание их современного состояния, а также описание языковых семей, к которым они относятся. По полноте охвата языков региона издание не имеет аналогов ни в отечественной, ни в мировой справочной литературе.

Филякова, Е., Меньшов, В. Русская письменность / Е. Филякова, В. Меньшов. – М.: Белый город, 2004. – 47 с.: ил.

Авторы в доступной и яркой форме рассказывают не только об этапах развития русской письменности – от зарубок на деревьях до печатных изданий наших дней. Из этой книги, рассчитанной на детей и взрослых, читатели узнают, что такое письменность

вообще, каким было письмо на заре человечества, какие тайны и загадки пытаются разгадать исследователи славянской письменности на протяжении десятилетий.

Раздел V

Национальная книга

Нация. Личность. Литература: вып. 1. – Москва: Наследие, 1996. – 256 с.

В данном сборнике исследований национальных литератур сделана попытка найти новые подходы к толкованию понятий Нация, Личность, Литература в их взаимозависимости. Авторы стремятся углубить, а где необходимо – пересмотреть методологические подходы исследования литературных явлений. Они привлекают внимание к ценностным качествам литературы, национальным истокам творчества, к формированию личности художника. По их мнению, триада Нация, Личность, Литература в своем единстве послужит дальнейшему постижению многообразия форм национального художественного мышления.

Каримуллин, А.Г. У истоков татарской книги / А.Г. Каримуллин. – Казань: Татарское кн. изд., 1992. – 208 с.: ил.

Книга А.Г. Каримуллина, доктора филологических наук, действительного члена Академии наук Татарстана является первой работой, посвященной возникновению и развитию татарской печатной книги. В ней рассмотрены история татарского письма, рукописной книги, как необходимых условий появления печатных изданий. Здесь впервые освещена история русого книгопечатания арабским шрифтом, ставшего базой татарской книги. Первое издание книги вышло в 1971 году небольшим тиражом и давно стало библиографической редкостью.

Нуруллин, И. Напевы мятежного саза: повесть о жизни и творчестве Габдуллы / И. Нуруллин. – М.: Дет. лит., 1986. – 222 с.: ил.

Книга, изданная к 100-летию со дня рождения Г. Тукая (и 120-летие которого мы отмечаем в 2006 году), очень живо и образно знакомит юных читателей с жизнью и творчеством классика татарской литературы, показывает его глубокую связь с национальной культурой, причастность поэта к общественно-политической жизни татарского народа.

4. Гумилев, Н. Избранное Н. Гумилеа. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 544 с.

В книгу, посвященную другому юбиляру 2006 года – великому русому поэту Николаю Гумилеву, вошли его стихотворения и поэмы из сборников разных лет, а также стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники. Кроме того, авторы знакомят читателя с литературной полемикой начала XX века, в которой участвовал и Гумилев. Вникнуть в ее тонкости помогают приведенные в издании воспоминания современников о Н. Гумилеве и А. Блоке, а также критическая статья А. Блока, оспаривающая утверждение Н. Гумилева о смерти символизма.

Национальная сказка

Мелетинский, Е.М. От мифа к литературе: курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика» / Е.М. Мелетинский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 170 с.

Эта книга посвящена происхождению художественного воображения и художественного повествования. В книге описываются процессы зарождения повествовательных литературных жанров из недр мифа. Читатели узнают, как появились сказки и героический эпос, как формировался средневековый роман и роман Нового времени, новеллы, а также познакомятся с точкой зрения автора на природу современного мифотворчества в культуре и политике.

Сказки народов России / Сост. Н. Будур. – М.: АСТ: Астрель, 2004. – 687 с.

Задача составителей сборника заключалась в том, чтобы представить читателю сказки разных регионов и разных сказителей, характеризующие поэтическую деятельность русского народа. В данном издании помещены основные виды сказки (волшебные, бытовые, о животных) в записях, сделанных как до 1917 года, так и в советское время. Не меньшее внимание уделяется и сказкам, нерусских народов, населяющих Россию – книга продолжает традицию издания многонациональных сборников сказок. Кроме того, из предисловия Н. Будур можно узнать об истории изучения и издания сказок различных народов нашей страны.

Национальная шутка

Лихачев, Д.С., Панченко, А.М., Понырко, Н.В. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко. – Ленинград: Наука, 1984. – 295 с.

Что такое «смеховой мир», в чем заключается разрушительное и созидательное начало смеха, какова специфика смеховой культуры Древней Руси - ответы на эти вопросы можно найти в вошедших в данную книгу трудах Д. Лихачева и других ученых. Здесь рассматривается сущность такого сложного явления культуры, как юродство, демократизм смеха, его роль в общественной жизни допетровской эпохи, индивидуальные особенности смеха Ивана Грозного, протопопа Аввакума, разоблачение смехом мнимого благополучия существующего мира и т.д.

Еврейские штучки / Сост. Е. Захарова, Э. Мишнаевский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 320 с.

Неповторимое лицо еврейского национального юмора увидят читатели сборника «Еврейские штучки». Это байки о евреях и от евреев, шутки, диалоги, пародии, шаржи, афоризмы «с еврейским акцентом», частушки и многое другое. Книга также иллюстрирована уникальными рисунками известного еврейского художника начала XX века Горшмана Менделя Хаимовича и других художников.

Суп со смешинкой / Сост. О.А. Могила. – Киев: Довир; М.: Ин-т соц. и экон. Интеграции: Собеседник, 1996. – 316 с.: ил.

Что считается смешным в различных национальных культурах? Где же искать ответ на этот вопрос, как не в народных сказках. В книге «Суп со смешинкой» собраны смешные сказки и притчи народов мира «о том, как и в какие переделки попадают люди и как они делают вид, что никуда не попали».

Национальный праздник

1. Праздники для детей и взрослых: в 2 кн. Кн. 1 / Сост. Н.В. Чудакова. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 528 с.

Эта книга посвящена самым различным праздникам: светским и религиозным, народным и государственным. Читатели узнают об истории праздников, о праздничных обычаях разных народов. Наконец, эта книга подскажет, как праздник сделать действительно праздником – веселым, интересным, запоминающимся. Как пригласить и развлечь гостей, как накрыть праздничный стол, как правильно выбрать и красиво вручить подарок.

2. Панкеев, И.А. Русские праздники и игры / И.А. Панкеев. – М.: Яуза, ЭКСМО-Пресс, 1999. – 416 с.: ил.

Как правильно отмечать Пасху, Рождество, Масленицу, соблюдать посты? Как гадать, водить хороводы, заплетать венки и ходить к теще на блины? Для всех, кого интересуют эти вопросы, книга Ивана Панкеева станет весьма полезным справочником. Автор – составитель, используя богатейшую дореволюционную литературу, приводит интересные, содержательные и занимательные сведения о церковных и народных праздниках, традиционно отмечаемых в России. Книга знакомит читателей с происхождением, историей, традициями празднования, как православных, так и языческих славянских праздников. Детям же вошедших в данную книгу будет интересна, прежде всего, вторая часть книги, в которой описано множество старинных народных игр.

3. Мануйлова, Ю. Еврейские праздники, обычаи, обряды / Ю. Мануйлова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 320 с.

Книга рассказывает о самобытной культуре одного из древнейших на земле народов – евреев. Основную цель автор видит в том, чтобы восполнить пробел, существующий в книгах о еврейской культуре, а именно – подробно рассказать о еврейском

календаре, его отличии от григорианского, об отмечаемых в еврейском мире праздниках, их традициях, правилах, особенностях, а также о некоторых обрядах, лежащих в основе образа жизни народа.

Раздел XIX

Национальный костюм

Костюм народов России в графике 18-20 веков: из фондов Государственной центральной театральной библиотеки / Сост. Н.М. Штукатурова. – М.: Союзрекламкультура, 1990.

Данное издание знакомит с выставкой «Костюм народов России в графике 18-20 веков», организованной Государственной центральной театральной библиотекой на основе собственного богатого иллюстративного материала. Здесь представлены произведения русских и иностранных мастеров, изображавших картины быта многих народов России. Однако в центре внимания художников – национальный костюм, переданный с документальной точностью. На выставке экспонируются гравюры, литографии, рисунки, которые широко публиковались в европейских изданиях 19 века и служили зарубежным читателям источником знаний о России.

Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков / Р.М. Кирсанова. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2002. – 224 с.: ил.

Книга известного историка моды посвящена русскому костюму. Автор воссоздает картину повседневной жизни различных сословий России с эпохи Петра I до конца XIX века. Рассказывает о том, как на протяжении двух веков в русском обществе менялись представления о моде и красоте, какое влияние оказывала одежда на настроения, чувства людей. Читатель узнает, как влияла литература на стиль одежды и поведения, как все это, в свою очередь, отражалось в искусстве, и сможет по известным произведениям живописи сложить общую картину быта и нравов России.

Молотова, Т.Л. Марийский народный костюм / Т.Л. Молотова. – Йошкар-Ола, 1992. – 112 с.: ил.

Книга посвящена исследованию тенденций развития марийского народного костюма со второй половины XIX века по современный период. Рассматриваются технология изготовления народного костюма, типологическая классификация различных форм женской и мужской одежды, особенности формирования и функциональное назначение народного костюма. Впервые приведены карты распространения отдельных форм одежды и ее локальных комплексов. Автор подчеркивает, что необходимость создать обобщающее исследование о марийском народном костюме вызвано отсутствием специальных работ по этой теме, с одной стороны, и достаточно большим количеством накопленного материала – с другой.

Национальная кухня

Похлебкин, В.В. Национальные кухни наших народов / В.В. Похлебкин. – М.: Центрполиграф, 2005. – 639 с.

Известный автор-кулинар В.В. Похлебкин считает, что с введением «прогрессивной, современной» технологии идет процесс забвения навыков и приемов кулинарного мастерства, накопленного многовековой практикой. Его книга была задумана в просветительских целях как свод наиболее типичных национальных рецептов блюд разных народов нашей страны, как определитель места и значения каждой национальной кухни в истории своего народа, в истории страны в целом и в системе общего развития кулинарии в мире. Вводные очерки, предпосланные рецептам каждой национальной кухни должны облегчить читателям сравнение разных кулинарных репертуаров и тем самым способствовать лучшему пониманию особенностей состава продуктов и ассортимента блюд каждого народа.

Русое застолье: кулинарные рецепты от русских писателей. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 304 с.: ил.

Перед вами не обычная кулинарная книга: помимо широкого набора кулинарных рецептов русской кухни она содержит удивительно «вкусные» художественные описания блюд, которые приготовили для нас такие мастера русской прозы, как Александр Пушкин, Иван Шмелев, Николай Гоголь, Михаил Булгаков и многие другие «великие повара» русской литературы. Читатель откроет для себя не только тайну приготовления блюд, волновавших наше воображение и аппетит с детства, но и окупнется в волны безудержного русского гостеприимства, узнает об обычаях и этикете русского застолья всех сословий, секретах сервировки стола к каждому празднику.

Методические рекомендации по работе над проектом



Национальная география

Географическая справка

РОССИЯ (Российская Федерация) - государство в восточной части Европы и в северной части Азии площадью 17 075,4 тыс. кв.км. Население - 148,4 млн. человек (1994), городское - 73%. Русские составляют 81,5% (1989, перепись); проживает свыше 100 народов. Большинство верующих - христиане, главным образом православные, остальные - мусульмане, буддисты и др. В составе Российской Федерации - субъекты федерации: республики (21), края (6), области (49), города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, автономная область и автономные округа (10). Официальный (государственный) язык на всей территории Российской Федерации - русский. Народам Российской Федерации гарантируется право на сохранение родного языка. Большая часть европейской территории России расположена в пределах Восточно-Европейской равнины. На юге - северные склоны Кавказа, на северо-западе - горы Хибин. К востоку от Урала - Западно-Сибирская равнина, окаймленная на юге горами Южной Сибири (Алтай, Саяны, горы Прибайкалья, Забайкалья и др.). Между Енисеем и Леной расположено Среднесибирское плоскогорье, между Леной и Тихим океаном - хребты и нагорья Северо-Восточной Азии. Климат изменяется от морского, на крайнем северо-западе, до резко континентального в Сибири и муссонного на Дальнем Востоке. Средние температуры января от 0 до - 50° С, июля от 1 до 25° С. Осадков от 150 до 2000 мм в год.



Во многих районах Сибири и Дальнего Востока - многолетняя мерзлота. Наиболее крупные реки: Лена, Иртыш, Енисей, Обь, Волга, Амур; крупнейшие озера - Каспийское (море), Байкал, Ладожское, Онежское. На территории России (с севера на юг) располагаются зоны: арктическая пустыня, тундровая, лесотундровая, лесная, лесостепная, степная, полупустынная (Прикаспийская низменность).

Не преувеличивая влияния природной среды, нельзя не признавать, что воздействие этого фактора на жизнь человечества было, есть и будет неотъемлемым условием, по-разному влияющим на общественное развитие в каждом отдельно взятых исторических условиях, что и обуславливает географические различия между странами, районами, а в известном смысле – и народами. Родившись в географически определенной среде, человек ведет себя сообразно ее канонам, потому что с молоком матери впитал понятия «своего» мира. Природные условия совершенно конкретно влияют на здоровье обитателей ареала, на их выносливость, жизнестойкость, вкус. На основе единства места проживания, а, следовательно, природно-климатического ритма, нераздельности животного и растительного мира у людей, живущих по соседству, вырабатывается идентичный образ жизни, в том числе сходство пищи, одежды, технологии и организации производства. Это позволяет наладить обмен и кооперацию между различными племенами. С другой стороны, по-своему размещая моря, пустыни, горы, реки, болота, природа затрудняет контакты и обмен между народами. Все упомянутые факторы вносят завершенность в физический и духовный портрет любого народа.

Особое значение географических условий для развития России связано с природными особенностями того пространства, на котором протекала и в целом продолжает протекать история России.

Это пространство называется Евразией. Само название подчеркивает тот факт, что деление территории нашей страны на европейскую и азиатскую части неоправданно и лишено всякого смысла. Простираясь от берегов Западной Двины и Днепра в Европе, через тундру и тайгу вдоль Ледовитого океана до самых восточных границ Азии на берегах Тихого океана, Россия представляет собой целостную природную систему, в составе которой европейская и азиатская части не имеют существенной границы, что создавало естественные предпосылки для постоянных контактов и взаимодействия многочисленных народов, населяющих эту огромную территорию. Вместе с тем это евразийское пространство делится на несколько вытянутых по широте полос с различными природно-климатическими зонами – от тундры до пустыни. Это, в свою очередь, обусловило характерное для нашей страны многообразие хозяйственно-культурных типов. Таким образом, географическая среда закладывала основы не только для формирования национальных индивидуальностей, но и для создания полиэтничного государства на территории России.

Список литературы:

География России: энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 800 с.: ил., карт.

Страны мира: энцикл. справ. - Смоленск : Русич, 2003 - 624 с.: ил

Страны и народы мира: энцикл. слов. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. - 607 с.: ил.

Шаповалов, В.Ф. Россияведение: учебное пособие для вузов / В.Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 576 с.

<http://slovari.billet-spb.ru>





Национальная история

Обзор

Чагин, Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв.: историко-этнографический атлас / Г.Н. Чагин. – Екатеринбург: Сократ, 2003. – 128 с.: ил.

Автор представленной книги – заведующий кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Г.Н. Чагин.

Данный атлас завершает создание учебно-методического комплекта «Народы и культуры Урала в XIX-XX вв.». В нем впервые представлено этнокультурное наследие Урала в виде серии карт с условными обозначениями, текстами и иллюстрациями. Издание дает представление о заселении и освоении Урала, а также об ареалах распространения самых разных явлений культуры и повседневной жизни уральских народов: от типов поселений и средств передвижения до праздников и религиозных представлений, обобщая результаты исследований в области этнографии, истории, фольклористики, языкознания, религиоведения.

Атлас состоит из шестнадцати глав. Первая и вторая посвящены освоению территории Урала различными народами с XV- XVI веков, когда начинается присоединение уральских земель к Русскому государству. В последующих главах рассматри-

ваются самые разнообразные аспекты народной культуры: поселения; строительная культура; народный костюм; ремесла и промыслы; народные росписи по дереву и металлу; диалекты народов Урала; устное народное творчество; музыкальные инструменты; праздники и обряды; народная медицина; питание и домашняя утварь; средства передвижения; религия и храмы Урала; и, наконец, музеи этнографического профиля. Каждая глава включает в себя карту, текст и иллюстрации, что позволяет наглядно представить основные проявления культуры и быта в условиях их естественного развития, а затем проследить пути исчезновения этих явлений при трансформации традиционного уклада жизни или варианты их приспособлений к новым потребностям населения.

На одной и той же карте представлен материал о нескольких народах, что дает возможность увидеть многообразие культурных явлений в сравнительном плане – историческом, этническом, географическом, хронологическом, а также тенденции развития культурных явлений в определенных географических границах.

В атлас вошли материалы о давно и компактно живущих народах, сохранивших свое историко-культурное наследие – русских, коми-пермяках, коми-язьвинцах, удмуртах, марийцах, манси, татарах и башкирах. Территориальные рамки атласа – Свердловская и Пермская области.

2. Этнокультурная история народов Урала XVI-XXI веков. Проблемы этнической идентификации и культурного взаимодействия / Сост. В.В. Арсентьева, Е.А. Козырина. – Екатеринбург: Свердл. обл. межнац. б-ка, 2005. – 140 с.

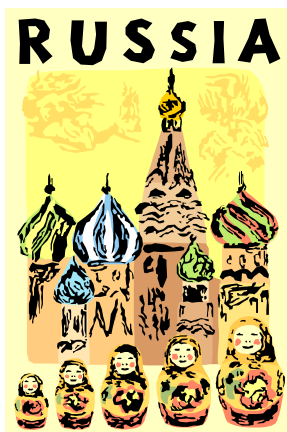
В данном сборнике представлены материалы одноименной ученической конференции Свердловской областной межнациональной библиотеки. Интересна конференция тем, что она явилась одной из форм осуществления этнокультурного образования в Свердловской области: ведь основными докладчиками выступали учащиеся ГОУ «Школы народной культуры».

История народов Урала – одна из интереснейших страниц в

истории нашей страны. Урал – стык Европы и Азии. На Урале смыкаются полоса леса и полоса степи, равнины и горы, север и юг. Различие природной обстановки сыграло значительную роль в формировании особенностей производственной деятельности, быта, духовной культуры древнего населения Урала.

Уральский регион как часть Евразийской степи был с древности ареной постоянных перемещений народов, что также повлияло на его специфику: с одной стороны, она определяется преемственностью в развитии культуры, с другой – сменой различных этнических пластов.

Однако материалы сборника раскрывают не только познавательную ценность истории и культуры народов уральского края. Каким образом древний Урал оставил след в современной жизни, как повлияли процессы, происходившие в XII-XVIII веках на современную культуру уральских народов? Круг этих вопросов также стал важнейшей темой конференции. Также было уделено внимание и таким общетеоретическим вопросам, как проблемы формирования и развития этнической идентичности и этноцентризма. Наконец, вошедшее в сборник исследование сотрудников Института развития регионального образования (ИРРО) Свердловской области посвящено собственно вопросам этнокультурного образования, его задачам и формам реализации.





Коста Хетагуров



Габдулла Тукай

Национальный герой

Коста Хетагуров и Габдулла Тукай – созвучие судьбы и творчества.

Мы рискнули поставить рядом этих двух поэтов, принадлежащих таким разным национальным культурам, поскольку удивительное сходство наблюдается в самой недолгой, но драматичной и яркой их жизни (выходцы из простых небогатых семей, сиротское детство, несложившаяся личная жизнь, бедность, тяжелые болезни, ранняя смерть), но и в литературном, публицистическом творчестве. Но, главное, оба великих поэта совпадали в стремлении выразить мечты и чаяния своего народа, показать его неповторимую душу, стать проповедниками национального самосознания – словом, в том, благодаря чему они были и остаются национальными символами своих народов.

Основоположник осетинской литературы Коста (Константин) Леванович Хетагуров родился в 1859 году в маленьком ауле Нар, в горах Центрального Кавказа. Вырос в горской крестьянской семье. Рано лишился матери. Учился во Владикавказской прогимназии, Ставропольской гимназии, Петербургской Академии художеств.

В 1885-91 жил во Владикавказе, где вёл преимущественно просветительскую деятельность; за публицистические выступления был выслан на 5 лет из Терской области. С февраля 1893, будучи сотрудником газеты "Северный Кавказ" (Ставрополь), вёл идеологическую и политическую борьбу против царской администрации на Кавказе. В 1902 - во Владикавказе. В 1903 тяжело заболел, вернуться к общественной и творческой деятельности не мог. Умер 19 марта 1906 года.

Коста Хетагуров писал на осетинском и русском языке стихи, рассказы, пьесы, статьи. На Кавказе и в России он был известен преимущественно как публицист, в Осетии - как поэт. Из-за отсутствия периодической печати на осетинском языке Хетагуров выступал исключительно в русской прессе. Публицистика принесла ему славу неподкупного заступника горских народов Кавказа, борца против нищеты, политического бесправия горцев, административного насилия, культивирования темноты, невежества и национальной розни. Наиболее значительны его статьи "Владикавказские письма" (1896), "Накануне" (1897), "Насущные вопросы" (1901) и др.

Поэтическое наследие Коста Хетагурова обширно: лирические стихи, романтические и сатирические поэмы, басни, стихи для детей, народные предания и притчи к оригинальной художественной трактовке. Стихи и поэмы, написанные на русском языке ("Стихотворения"), вышли отдельным изданием в 1895 в Ставрополе. Но всю силу и обаяние его поэтического таланта можно ощутить по произведениям, написанным на родном языке, вошедшим в сборник "Осетинская лира" (1899).

В центре поэтического мира Коста Левановича Хетагурова - вопрос об исторической судьбе родного народа. Мировоззрение поэта сформировалось под влиянием осетинского фольклора и революционно-демократических традиций русской культуры. Как справедливо заметил А. Фадеев, «Коста Хетагуров был истинным сыном своего народа, он отражал его думы и чаяния, творчество его было глубоко национальным». Вместе с тем, в поэзии Коста нашли отражение настроения большей части русской интеллигенции 80-90-х годов XIX века, вызванные отчаянием и неприятием жизни: чувства

одинокости, разочарования, стремление к свободе в обстановке жесткой реакции.

Поэзия Хетагурова была подлинно народной не только по содержанию, но и по форме. Поэт создавал образы народных певцов-сказителей («Кубады»), перерабатывал мотивы и образы обрядовой поэзии («На кладбище»), на основе осетинских сказаний и легенд написал поэму «Хетаг». Сюжеты и образы черпал из народных песен, сказок, пословиц («Новогодняя ночь», «Колыбельная», «Мать сирот», «В пастухах», «Олень и еж», «Безумный пастух», «Упрек», «Редька и мед»).

Творчество поэта на русском языке органически связано с идейно-тематическим содержанием «Осетинской лиры». Его историко-этнографический очерк «Особа» (1894) - одно из лучших произведений по этнографии осетин. В очерке собран богатый фактический материал о быте Осетии, экономике, общественных отношениях и правовых нормах осетинского патриархально-феодалного уклада. Читатель находит в нем ту же картину многотрудной, безрадостной жизни труженика-горца, что и в «Осетинской лире». В стихотворениях, написанных по-русски («В бурю», «Песнь раба», «На смерть горянки», «Не поможешь ты горю слезами»), в рассказе «Охота за турами», поэмах «Перед судом», «Фатима», «Плачущая скала» поэт развил многие темы, характерные для его поэзии на осетинском языке. Прежде всего, это тема родины. Самоотверженное служение родине и народу, свободолюбие и гуманизм больше всего ценил Коста и в русских писателях («Перед памятником», «Памяти М.Ю. Лермонтова», «Памяти А.Н. Плещеева», «Памяти А.С. Грибоедова», «Памяти А.Н. Островского»). Он признает их своими идейными вождями, учится у них «быть готовым на бой за великое, честное дело» против того же «мира рабства, лжи, насилия и гонений», против которого восставали лучшие люди России.

Коста Хетагуров глубоко и всесторонне отразил в своем творчестве исторические судьбы и жизнь осетинского народа, его психологический склад, нравственный и культурный облик, его мечты и устремления. Он поднял на новую ступень его общественное и художественное сознание и внес неоценимый вклад в миро-

вую культуру. Его произведения переведены почти на все языки народов СССР и на многие европейские языки.

Коста Леванович Хетагуров был также первым осетинским живописцем. Последователь русских художников демократического направления, он с большим сочувствием показывал в своих жанровых картинах жизнь простого народа, писал портреты, пейзажи Кавказа, обращался к религиозным сюжетам. Небольшое по объему художественное наследие Коста явилось прочной основой для дальнейшего развития национального изобразительного искусства в Осетии.

Короткой и яркой, как вспышка молнии, была жизнь **Габдулы Тукая** – классика татарской литературы.

Родился будущий поэт 26 апреля 1886 года в деревне Кушлавыч ныне Арского района Татарстана в семье муллы. Отец умер, когда Габдулле было всего четыре месяца, матери он лишился в четыре года. Потом началась горькая сиротская жизнь будущего поэта. Как перекасти-поле носила судьба его с места на место, из семьи в семью. В 1895 году девятилетний Тукай попадает в город Уральск и поступает в уральское медресе «Мутыгия». Годы учебы сыграли важную роль в формировании будущего поэта. Овладев в Медресе русским языком, Тукай начал знакомиться с произведениями Лермонтова, Пушкина и других русских классиков. Он изучает турецкий и арабский языки, углубляется в татарскую литературу, особенно в поэзию и сам пробует силы в творчестве. В 1905 году поступает на работу наборщиком типографии газеты «Уралец», одновременно исполняет и обязанности корректора. Пишет стихи, статьи, фельетоны. Публикует их в различных газетах и журналах, издававшихся в Уральске. Взлет Тукая на вершины поэзии был стремительным, за год-два он становится одним из любимых поэтов народа.

В 1907 переехал в Казань, где сблизился с большевиком Х. Ямашевым, с писателями-демократами. Совместно с Г. Камалом издавал сатирический журнал «Яшен» («Молния», 1908—09); с 1910 работал в журнале «Ялт-йолт» («Зарница»). Определяющим началом в творчестве Тукая боль за простой народ. («О свободе», 1905; «Паразитам», «Государственная дума» — оба 1906, и др.). Тукай —

зачинатель революционно-гражданской лирики в татарской литературе. В годы реакции после революции 1905—07 Тукай выступает как революционно-демократический сатирик. Его сатира проникнута ненавистью к царизму, к националистической буржуазии, духовенству (стихотворения «Не уйдём!», 1907; «Националисты», «Ишан», поэма «Сенной базар, или Новый Кисекбаш» — все 1908). Поэт создал ряд произведений, посвященных детям: «Шурале» (1907, на сюжет поэмы создан одноименный балет, музыка Ф. Яруллина), баллада «Водяная» (1908) и др.

Тукай одним из первых татарских поэтов начал писать в духе восточных назира – подражаний произведениям Пушкина и Лермонтова, а также других русских, европейских и восточных поэтов и писателей, оставаясь при этом талантливым переводчиком, открывающим татарскому читателю новый поэтический мир.

Тукай - основоположник татарской реалистической литературной критики, автор статей «Наши стихотворения», «Критика — нужная вещь» (обе 1907), «Первое моё дело после пробуждения» (1913) и др. В лекции «Народная литература» (1910) выступил как знаток устно-поэтического творчества.

Весной 1912 года путешествует по маршруту Уфа – Петербург. Из поездки вернулся в начале августа 1912 г., будучи тяжело больным. 2 (15) апреля 1913 года скончался в Клячкинской больнице в Казани.

Габдулла Тукай прожил всего 27 лет, но успел сделать многое. Он сумел ярко раскрыть свой многогранный талант выдающегося поэта-лирика, сатирика, публициста, журналиста и глубоко отразить в своих произведениях все то новое, прогрессивное, что принесло начало века татарскому народу. Еще при жизни он стал подлинным народным поэтом. Уставший от многовекового гнета, татарский народ услышал в поэзии Тукая выражение своей мечты о свободе и счастливом будущем. Его стихи, одухотворенные высокими национальными идеалами, долетали до самых темных уголков татарских деревень и затрагивали самые тонкие струны народной души. Поэт сумел поднять такие жгучие вопросы современности, как сущность свободы, ценность родного языка, судьбы народа и

личности. Причины нравственного упадка общества поэт видел во взаимных распрях, фанатизме мулл, лениности масс. Он обращается к разумной части общества с призывом проснуться, воспрянуть духом, стать развитой и просвещенной ев ропейской нацией.

Его литературное наследие составляет пять полновесных томов. Произведения Тукая изданы более 150 раз, они переведены на многие языки народов мира. Памятники поэту установлены в Казани, в деревнях Кырлай и Кушлауч. В 1958 году (с перерывами 1961-65) в Татарской АССР учреждена республиканская премия имени Габдуллы Тукая.

Даже в кратких очерках биографии и творчества прослеживается сходство между Коста Хетагуровым и Габдуллой Тукаем.

А теперь послушаем, что скажут почитатели их творчества – представители разных времен и народов.

О Коста :	О Тукае :
<p>Коста Хетагуров является своего рода Леонардо да Винчи осетинского народа. Какую силу любви к своему народу нужно иметь, чтобы в условиях старой Осетии быть одновременно и поэтом, и прозаиком, и драматургом, и театральным деятелем, и художником, и публицистом, и общественным деятелем. Коста Хетагуров был истинным сыном своего народа, он отражал его думы и чаяния, творчество его было глубоко национальным. Имя Коста... войдет в ряд самых высоких имен человечества. Осетинский народ может гордиться тем, что в сокровищнице многоцветной культуры социализма будут играть краски и цвета, вызванные к жизни таким художником, как Коста Хетагуров.</p> <p>А. А. Фадеев</p>	<p>Габдулла Тукай – великий самородок татарского народа. Поэт и гражданин, Габдулла Тукай страстно, пламенно желал видеть свой народ просвещенным, образованным, счастливым.</p> <p>С.Михалков</p> <p>Тукай обладал умением высказать то, что было в сердце народа, но что сам народ не умел выразить.</p> <p>Г.Ибрагимов</p> <p>«Какой большой поэт!» - сказал Сергей Есенин о Тукае... И Есенин, и Тукай – народные поэты. Очень рано ушли они из жизни, но в братских литературах, русской и татарской, оставили большой след...»</p> <p>П.Радимов</p>

Коста был дорогим сыном Осетии... Из тьмы нас поднял на свет, научил нас любить, говорить... Последуем примеру других народов, принесем по камню и как положено возведем памятник Коста.

Р. Н. Гаглоев

Осетинская земля вскормила, взрастила К. Хетагурова, ставшего выразителем сокровенных дум кавказских народов... Поэтому от всех литератур земли советскому осетинскому народу, подарившему нам звезду первой величины — К. Хетагурова, нижайший поклон!
А. Кешоков

Хетагуров не только выдающийся поэт, прозаик, драматург, страстный публицист — Хетагуров гениальное национальное явление...
Н. Доризо

Великие поэты не умирают... Коста — плоть от плоти своего народа, в стихах которого слышится мелодия осетинской песни, в поэтических образах которого угадывается пластика осетинского «Симда»...

А. Алексидзе

Тукай – патриарх дореволюционных татарских поэтов. Многие из его современников и тех, кто пришел в татарскую литературу после него, стали последователями Тукая.
Ф.Бурнаш

Очень немного писателей, завоевавших такую большую славу, прожив так мало, как Тукаев... Перелистайте историю литератур разных народов – нет человека, который бы стал народным поэтом за такое короткое время, как Тукаев.

Г.Рахим

Народ признал его своим поэтом, когда он был еще совсем молод. Его поняли, почувствовали, что он поет в народном духе...

Ф.Амирханов

Сейчас в поэзии ведущая роль принадлежит Тукаеву. Роль эта настолько велика, что стоит произнести слова «татарский поэт», как в памяти читателя тотчас возникает образ Тукаева. Этот наш поэт день ото дня возвышается и по праву занимает почетное место в душе народа. Среди татар Тукаев в стихотворном мастерстве достиг вершины, на которую еще никто не поднимался.

Г.Ибрагимов

Габдулла Тукай т- это солнце татарской поэзии, которое, однажды взойдя над нашей великой землей, не зайдет уже никогда.

М. Шаймиев

Коста Хетагурову осетины обязаны тем, что они — культурный, передовой народ, что патриотизм, любовь к родной земле и ненависть к поработителям вошли в кровь и плоть каждого осетина.

Слава народу, родившему такого великого сына!

П. Павленко

В личности, в характере Коста Хетагурова гениально выражен национальный характер осетинского народа, выработанный, выкристаллизованный на протяжении многовековой трудной истории.

Н. Джусойты

"Русский говорит - Пушкин, англичанин говорит - Шекспир, немец говорит - Гете, осетин говорит -Коста".

В.И.Абаев

Коста засверкал в сокровищнице мировой культуры потому, что родился и возмужал на национальной почве, связал воедино прошлое, настоящее и будущее своего Отечества, озарил светом исторической перспективы устремления осетинского народа к счастью и свободе.

А.Дзасохов

Нет таких слов, которые могли бы в полной мере выразить то огромное значение, которое имеет Тукай для татар, всего тюркского мира и Востока. Ведь в поэзии живет душа нашего народа, а душа, как известно, бессмертна и не имеет земного измерения. Значит, бессмертно и несоизмеримо само творчество Габдуллы Тукая, навсегда связанное с прошлым, настоящим и будущим национальной культуры.

М.Шаймиев

Таким образом, оценки творчества наших героев, их вклада в национальную и общемировую культуру во многом совпадают.

Наконец, предоставим слово самим поэтам.

Коста	Тукай
<p>«Я никогда своим словом не торговал, никогда ни за одну свою строку ни от кого не получал денег. И пишу я не для того, чтобы писать и печататься, потому что и многие это делают.</p> <p>Нет! Ни лавры такого писания мне не нужны, ни выгоды от него. Я пишу то, что я уже не в силах бываю сдерживать в своем изболевшем сердце...»</p>	<p>«Однако... увидев националистов своими глазами, я понял их. Они прожужжали мне уши словами: «Твои стихи хорошо воспринимаются народом; оказывается, ты их продал лишь за столько-то», то есть алчными глазами оскорбляли меня... Меня, поэта, которого всегда воодушевляет и вдохновляет мысль о нации и национальном, такие слова, естественно, оскорбляли»</p>
<p>«Я смерти не боюсь, - холодный мрак могилы Давно меня манит безвестностью своей, Но жизнью дорожу, пока хоть капля силы Отыщется во мне для родины моей...»</p> <p>Я счастья не знал, ноя готов свободу, Которой я привык, как счастьем, дорожить, Отдать за шаг один, который бы народу Я мог когда-нибудь к свободе предложить»</p>	<p>«Пока огонь стиха живет в душе моей, Я годеи для борьбы, я старости сильней»</p> <p>«Всей душой люблю народность, близок мне народный дух, Дай мне радость: пусть народным мой народ меня сочтет! О твоём мечтаю счастье, - в мире нет мечты светлей, Одержимость вдохновенья в той мечте поэт найдет!»</p>
<p>«Без матери, брошен отцом, Отчизну, родительский дом Оставил я в юные годы. В чужом, безучастном краю Весну проводил я свою, Встречая одни лишь невзгоды.»</p>	<p>«Мать моя лежит в могиле. О страдальца моя, Миру чуждому зачем ты человека родила? С той поры, как мы расстались, стража грозная любви Сына твоего от двери каждой яростно гнала.»</p>

<p>«У людей – не дом, а терем, Там светло, тепло, уют, А у нас в пустой пещере Дети с голода ревут.</p> <p>У людей – пиры, гулянья Будоражат гор хребты, А у нас, как причитанье, Лишь мяукают коты.»</p>	<p>«Наш богач плывет на дачу жарким летом каждый год, Нанимая не иначе, как огромный паро- ход.</p> <p>Все равно ему, что судно, что запряжка рысаков, Он гуляет беспробудно, унижая бедня- ков.</p> <p>.....</p> <p>И плывет богач беспечно мимо нищего села, Из которого навечно жизнь веселая ушла.</p> <p>Ну а с берега крестьянин скажет: «Во как!», пряча вздох. Эх, ужель на дно не канет пароход?.. Прости нас, Бог!»</p>
<p>«В чаше со стадом пастух не расста- нется, Зорко за ним он следит... Что же с тобой, молодежь наша, ста- нется, Кто же тебя защитит?</p> <p>Ты, обезумев, как стадо голодное, В чаше блуждаешь лесной, - Ищешь ты стебли в лесу прошлогод- ние... Гибнешь... Что будет с тобой?»</p>	<p>«Как создана душа у этой молодежи, - Ни крохи мужества, ни капли вдохно- венья!</p> <p>Как верим мы легко в бессилие народа, Величие отцов забыв без сожаленья!</p> <p>С народным знаменем мы вышли в путь далекий: Мол, не свернем вовек с пути освобож- денья!</p> <p>Упали мы, пройдя две-три версты, не боле. «Не хватит, братцы, сил, пожалуй, и терпенья»</p>

<p>«Как сердце тоскует с тобою в разлуке, Отчизны моей молодежь! На прах мой – страшнее не может быть муки – Ты даже слезы не прольешь!..»</p>	<p>«Как мне страшно быть забытым отчей милой стороной! Пусть умру я сам, но имя люди помнят пусть мое – В этом цель моя, надежда и удел счастливый мой!»</p>
<p>«Дети Осетии, Братьями станем В нашем едином И дружеском стане.</p> <p>С нами высокое Знамя народа. К свету, с победною Песней похода!</p> <p>К правде сверкающей Смело шагайте! Труссы, бездельники, Прочь! Не мешайте!»</p>	<p>«О, мой народ, глаза раскрой: Мир изменяет облик свой! Довольно спать! Над головой Заря взошла навеки. Упрямых жалко мне слепцов. Прозрейте вы, в конце концов! Услышите будущего зов, Ждет счастье нас навеки.»</p>

Как мы убедились, само творчество Косты Хетагурова и Габдуллы Тукая, подтверждает наш тезис об удивительном сходстве, созвучии тем, волновавших этих авторов.

Гете пишет, что национальный классический писатель появляется тогда, «когда он сам проникнутый национальным духом, чувствует в себе благодаря врожденному гению способность сочувствовать прошедшему и настоящему; когда он знает свой народ на высоком уровне культуре и его собственное просвещение дается ему легко; когда он имеет перед собой много собранного материала, совершенных и несовершенных попыток своих предшественников и когда внешние и внутренние обстоятельства сочетаются так, что ему необходимо дорого платить за свое учение...» Сказанное точно объясняет талант и предназначение наших героев. И Коста, и Тукай родились в то время, когда их народы испытывали острую необходимость в гении, способном сконцентрировать в себе, в сво-

ем творчестве духовную энергию, дать ей новое, возможно, опережающее время перспективное направление.

В заключение скажем, что приведенные нами материалы могут быть использованы для проведения литературного вечера с участием, например, двух ведущих, которые по очереди озвучивают биографии К.Хетагурова и Г.Тукая, посвященные им цитаты и отрывки из произведений самих поэтов, чтобы таким образом ярче показать сходство в их судьбах и творчестве.

Список литературы:

Коста Полное собрание сочинений; т.1: Поэзия / Коста. – Б.м.: Менеджер, 1999. – 750 с.

Джатиев, Т. И. Горная звезда: роман-хроника / Т.И. Джатиев; пер. с осетинского А. Мусатова и Л. Либединской. – М.: Менеджер, 1999. – 400 с.: ил.

Коста: Приложение к альбому репродукций. – Владикавказ: Ассоциация «IR». – 2000. – 15 с.

Солнце татарской поэзии. Обращение Президента РТ М.Ш. Шаймиева по случаю 120-летия со дня рождения Габдуллы Тукая / М.Ш. Шаймиев // Татарстан. – 2006. - № 4. – С. 26.

Мустафин, Р. «Негасимое созвездье: Пушкин, Лермонтов, Тукай...» / Р. Мустафин // Татарстан. – 2006. - № 4. – С. 30-33

Харрис, Р. Гениален ли Тукай? / Р. Харрис // Татарстан. – 2006. - № 4. – С. 34-36.

Хисамов, Н. Тукай: величие и трагедия / Н. Хисамов // Татарстан. – 2006. - № 4. – С. 37-39.

Мамытов, С. Гордость Востока / С. Мамытов // Татарстан. – 2006. - № 4. – С. 52-53.

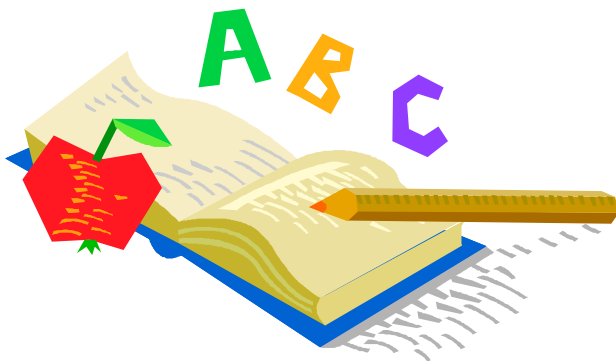
Ганиева, Р. Габдулла Тукай в контексте мировой литературы / Р. Ганиева // Татарстан. – 2006. - № 4. – С. 48-51.

Бакирова, Р. Судьба поколения в лирике М. Лермонтова и Г. Тукая / Р. Бакирова // Мэгариф. – 2006. - № 4. – С. 35-37.

Тукай, Г. Новые переводы стихов / Г. Тукай // Идель. – 2006. - № 4. – С.29.

Нафигов, Р. И. Тукай и его окружение / Р. И. Нафигов. - Казань, 1986. - 208 с.

Тукай, Г. Шурале: сказка-поэма / Г. Тукай. - Казань, 1997. -
38 с.: ил. - На татар. и рус. яз
<http://www.1000kzn.ru>
<http://www.5ka.ru>
<http://www.allingvo.ru>
<http://www.rusportal.org>
<http://www.ugo-osetia.ru>



Национальная азбука

Любопытные факты, тайны и загадки из истории письменности.

Информацию этого раздела мы предлагаем использовать для составления викторин, кроссвордов, проведения круглых столов, дискуссионных клубов и т.п.

История ума представляет две главные эпохи: изобретение букв и типографии; все другие были их следствием. Чтение и письмо открывают человеку новый мир...

Н.М. Карамзин

Письмо или письменность – это способ записи, хранения и передачи информации другим людям на любом расстоянии во времени и пространстве. В силу потребности общения оно возникало и развивалось, когда параллельно, когда последовательно, в различных культурах, приобретая самые разнообразные, порой причудливые и загадочные формы.

Материалы и орудия письма всегда и всюду влияли на развитие письменности. Так, из-за того, что древние народы Передней Азии пользовались для письма глиняными табличками, письменные знаки почти у всех этих народов приобрели клиновидную форму (изображать скругленные или криволинейные формы тростниковой палочкой на глине было трудно). Вид китайских иероглифов обусловлен в основном бумагой и тушью. Когда в Египте научились делать папирус – мягкий материал, - появилась скоропись. Руны германских и скандинавских племен построены на острых углах, кривых линий почти нет, поскольку знаки вырезали на дереве или кости, где кривые резать труднее.

Индейцы государства инков пользовались узелковым письмом (*кипу*), у других индейских племен Америки, например у ирокезов, узелковое письмо заменяли бусы из разноцветных морских ракушек (*вапумы*).

Майя, обитатели Центральной Америки имели иероглифическую письменность (каждый знак обозначает целое слово или понятие). Она была расшифрована российским этнографом и лингвистом Юрием Кнорозовым в 50-60-х годах XX века. Переведя со староиспанского языка на русский книгу францисканского монаха Диего де Ланда "Сообщение о делах в Юкатане", ученый понял, что алфавит, записанный в этой книге, является ключом к дешифровке иероглифических рукописей майя.

До сих пор ученые спорят о том, была ли иероглифическая письменность у инков. Горсиласо де ла Вега, создававший «официальную» историю инков, неоднократно говорит, что они не знали письменности. Однако другие хронисты упоминают о том, что письмо у инков существовало, но позже было утрачено тем или иным способом. В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что индейцы кечва (инки принадлежали к этому народу) и аймара Южной Америки до сих пор пользуются каким-то местным иерог-

лифическим письмом, которым они «записывают католические молитвы».

У народов древней Полинезии, известных современной науке своими смелыми морскими путешествиями, не было письменности. Но без надежных навигационных карт им было не обойтись. Они плели их из прутьев. Для непосвященного они могли сойти за детскую игрушку или забавную головоломку. Однако штурманы древности прекрасно разбирались в них, хорошо понимая, какие прутьики указывают направления морских течений, какие – господствующие ветры, какой камешек в переплетении ветвей соответствует определенному острову, а какой – материковому побережью.

До сих пор не расшифрована письменность Индской (Хараппской) цивилизации, существовавшей на северо-западе Индостана примерно с 2400 по 1700 год до н.э. Найдено более тысячи печатей с надписями, включающими почти 400 различных знаков. Жители Хараппы писали горизонтальными строками справа налево. Надписи имеют преимущественно рисуночный характер, однако ученые пришли к выводу, что наряду с идеограммами письмо имеет и ряд фонетических знаков. Самое досадное, что с исчезновением культуры Хараппы исчезает и письменность. Новая письменность в Индии возникла лишь более тысячи лет спустя – во второй половине 1 тысячелетия до н.э. на основе арамейского (происшедшего от финикийского) письма.

Подобная история произошла и с письменностью Крито-микенской цивилизации, существовавшей на островах Эгейского моря и на территории материковой Греции во втором тысячелетии до н.э. Во многих ее центрах были обнаружены глиняные таблички нескольких видов. Самые древние из них – иероглифические – говорят о том, что письменность крито-микенской культуры, возможно, сформировалась под влиянием египетского письма. В процессе дальнейшего развития критское иероглифическое письмо самостоятельно переросло в линейное. Более ранний его вид ученые называли линейным пись-

мом А, а более поздний – линейным письмом Б. Расшифровать удалось только этот поздний вариант письменности. Оказалось, что ее язык – греческий, почти тот же, на котором слагал свои поэмы великий Гомер. Это доказало тот факт, что греки-ахейцы, завоевавшие Крит, заимствовали и письмо сложившейся здесь минойской культуры, только несколько видоизменили его, приспособив к особенностям своего языка. Однако после захвата Греции дорийскими племенами эта письменность была совершенно забыта. Новое письмо было создано только в начале Нового письма было создано только в начале VIII века до н.э. на основе финикийского.

Самостоятельно создали свою иероглифическую письменность древние китайцы. Иероглифов в древнем Китае было очень много. Уже в надписях иньской эпохи ученые выделили 3 тысячи иероглифов. Сейчас существует более 50 тысяч китайских иероглифов, но, к счастью для китайских школяров и изучающих язык иностранцев, в обыденной жизни достаточно знать их несколько тысяч.

Самым крупным достижением финикийской культуры было изобретение алфавитного письма (не позднее середины II тысячелетия до н.э.). Финикийским писцам принадлежит слава доведения до конца великого открытия египтян. Последние уже в глубокой древности создали 24 алфавитных согласных знака, но вместе с тем они сохранили и сотни слоговых знаков и знаков для понятий. Однако созданный финикийцами алфавит имел один существенный недостаток: в нем по египетской традиции не было гласных. Не было и тех дополнительных поясняющих знаков, применение которых облегчало чтение египтянам. Финикийское письмо было заимствовано окружающими финикийцами народами сиро-палестинского региона. К нему восходят через арамейские системы еврейское квадратное письмо и арабское письмо, а также письменности Центральной Азии и Индии.

Финикийское письмо было усвоено и усовершенствовано греками: шесть из двадцати двух букв финикийского алфавита греки переделали из согласных в гласные. Как и финикийцы, греки тоже писали сначала справа налево. Но это было неудобно, и они попробовали писать по-другому – попеременно: первую строку справа налево, вторую – слева направо. В VI-V веках до нашей эры победило единое написание – слева направо. Оно существует и сегодня. Греческое письмо послужило основой для латинского, которое, в свою очередь, легло в основу письменности европейских народов. В настоящее время около 30 % населения Земли пользуются письменностью, основанной на латинице.

Собственные оригинальные системы письма существовали в странах не только Европы, Азии и Америки, но и Африки. Многие цивилизованные народы Черной Африки – в саванной зоне Великого Судана, на северо-востоке и востоке материка и в других местах – умели писать еще задолго до прихода европейцев.

Исторически засвидетельствованные в Африке системы письма гораздо разнообразнее и оригинальнее европейских по внешнему виду и по принципам передачи слов. В Европе почти всюду существовало буквенное письмо, происходящее в конечном счете от греческого, в Тропической Африке зарегистрированы следующие системы письма: пиктографические, предметные, иероглифические, слоговые, буквенные, не считая переходных форм и разновидностей.

Эфиопский алфавит представляет собой довольно сложную, но стройную систему. Сейчас оно состоит из 296 знаков.

Все они делятся на группы, объединенные сходным произношением и начертанием. Начертание знаков, письмо, резко отличается от других алфавитов семитской группы – оно идет слева направо, как в алфавитах Европы и Индии. Существует множество гипотез о происхождении эфиопского письма, но пока это лишь гипотезы...

Первые дошедшие до нас образцы грузинской письменности относятся к V веку. Но если известно, что армянский алфавит был разработан около 405 г. великим армянским ученым и просветителем Месропом Маштоцем на базе греко-византийского алфавита с использованием некоторых элементов арамейского, то не совсем ясно, кем и на базе какой системы письма был создан иберийский (грузинский) алфавит. Существует гипотеза об участии в создании грузинской письменности Месропа Маштоца: он, якобы, убедил иберийского царя Бакура и епископа Мосеса ввести в Иберии новый алфавит. Однако грузинский палеограф И. Джавахишвили, как и некоторые другие специалисты, определяют древнегрузинский алфавит как ветвь арамейской системы письма, ссылаясь на ряд соответствий между ними. Впрочем, такое же сходство можно обнаружить между некоторыми знаками греко-византийского и грузинского письма. Кроме того, арамейское письмо, как и все семиотические системы письма, обходится без гласных, а в грузинском, как и в греческом, есть графемы для их обозначения. Поэтому не исключено, что легенда об участии Маштоца в создании иберийской азбуки имеет под собой основание. Либо он сам, либо кто-то из просвещенных грузин мог приспособить к грузинской фонетике элементы греческого и арамейского письмен.

Первые известия о "неведомых" надписях на камнях в Сибири и Центральной Азии появились в конце XVII - начале XVIII вв. Сравнение этой графики с готскими и скандинавскими рунами, издавна знакомыми европейским ученым, привело к закреплению в научной литературе термина тюркская (или орхоно-енисейская) "руническая" письменность. Прочтение ее на основе тюркского языка и транслитерация данной письменности на латынь впервые были сделаны датским тюркологом В.Томсеном в конце XIX века.

Тюркская руника состояла из 35 знаков с некоторыми местными графическими вариантами. Писались они справа налево, и каждый знак чертился отдельно, как правило, не соединяясь друг с другом. Наблюдалось довольно значительное несоответствие между коли-

чеством звуков и количеством знаков, например, звук "ш" обозначался 6 знаками, ряд звукосочетаний обозначался специальными литерами и т.д. Тем не менее, академик В.В.Бартольд отмечал, что тюркский рунический "алфавит... был превосходно приспособлен к тюркскому языку, ... и в этом отношении представляется гораздо более совершенным, чем сменившие его алфавиты уйгурский и арабский".

В Восточную Европу орхоно-енисейские руны проникли вместе с волнами тюркоязычных кочевников. Первые рунические памятники известны здесь с VIII-IX вв. Восточноевропейские руны кроме традиционной орхоно-енисейской графики, частично представляли собой, так называемую "племенную" письменность, т.е. письменность отдельных племенных союзов. На территории Волго-Уральского региона руника проникает вместе с тюрко-булгарскими племенами, где она использовалась для некоторых бытовых нужд вплоть до XII в.

Была ли на Руси собственная письменность до кириллицы – мнения до сих пор расходятся. Но вот то, что наши предки широко использовали письменность соседей, бесспорно. В Звенигороде, в музее Саввино-Сторожевского монастыря, можно увидеть щит русского воина, покрытый арабской вязью. А русский мастер Никита Давыдов поместил на царском шлеме арабские изречения. На территории России также были найдены памятники рунической письменности.

Одна из самых главных загадок русской письменности – так называемые «черты и резы», которыми, по некоторым версиям, писали в Древней Руси. Они основываются на свидетельстве болгарского книжника и ученого монаха конца IX – начала X века Чернорица Храбра. В книге «Сказания о письменах» он, в частности, утверждает: «Когда славяне были язычниками, то не было у них своих книг, поэтому считали и гадали они при помощи черт и резов». Вполне возможно, что эти самые таинственные «черты и резы» не что иное, как обычные зарубки, своего рода долговые расписки, домашняя бухгалтерия. Однако, бытует и мнение, что именно

«чертами и резами» написана, пожалуй. самая спорная и скандальная в истории русской письменности книга – так называемая «Велесова книга».

В 1919 году полковник белой армии Али Изенбек в разоренном имении князей Донских-Захаржевских обнаружил связку дощечек с неизвестными письменами. Дощечки соединились как книга, на них были нарисованы прямые параллельные линии, под которыми «подвешивались», размещались буквы, - всяческое письмо, как в санскрите или хинди. Буквы плотно прижимались друг к другу, без интервала. Подобный тип текстов назывался «сплошняком», он характерен для кириллического строя Древней Руси. Некоторые буквы напоминали греческие заглавные буквы, некоторые походили на санскритские.

По утверждению переводчиков, книга создана древнерусскими жрецами-язычниками. Тексты охватывают время с V века до н.э. до IX века н.э. «Велесова книга» начинается с рассказом о легендарном исходе древних руссов из Семиречья во втором тысячелетии до н.э. в Индию. В тексте говорится о происхождении родов древлян, кривичей, полян, северян, русов. Часто упоминается имя бога скота Велеса (отсюда и название книги). Если признать подлинность книги, следует признать и достоверность изложенного в ней. Это означает переворот в истории не только Руси, но и всего мира и признание письменности Руси как самой древней.

В 1959 г. в Академии наук СССР «Велесова книга» была подвергнута экспертизе, которая пришла к выводу о том, что начертания букв, хотя и вызывают сомнения в подлинности текста, все же не свидетельствуют прямо о подделке. Позже был проведен лингвистический анализ, на основании которого были сделаны выводы, что памятник – подделка. И по многим признакам это дело рук известного в начале XIX века мистика, коллекционера и фальсификатора древностей Сулакадзева. Самое печальное, что в 1941 году Изенберг, эмигрировавший в Европу, умер, а все его дощечки пропали в тайниках гестапо. Осталась одна фотография и несколько копий. Конечно, для серьезных выводов этого мало. Интерес к

«Велесовой книге» не пропадает и сегодня, хотя ее подлинность большинством ученых отрицается.

Поездка Кирилла-Философа, создателя славянской письменности, в Хазарию «подарила» ученым одну весьма занятую загадку. По словам «жития» Кирилла, по пути к Хазарам он посетил древний греческий город Херсонес, где якобы видел Евангелие и псалтырь «роусьскими письмены писано». Более того, Кирилл быстро овладел этим языком, чем вызвал удивление окружающих. Что это за «русские письмена» в 860 году, задолго до принятия на Руси христианства? Высказываются самые разные гипотезы. Например, что эти книги были написаны на восточнославянском языке греческими буквами, принятыми в Византии. Другие ученые отождествляют «русские письмена» с глаголицей. Третьи идут по пути «исправления» якобы искаженного текста, заменяя «роусьский» на «готский», «фрузский» (франкский), «сурский» (сирийский). И т.д.

Ученые спорят и о том, какая из славянских азбук древнее – кириллица или глаголица. В пользу старшинства глаголицы говорят древнейшие памятники, написанные на глаголице более архаическим языком, а также палимпсесты (рукописи на пергаменте, в которых старый текст соскоблен и по нему написан новый), на которых глаголица соскоблена, а новый текст написан на кириллице. Глаголица отличается очень запутанным начертанием, что способствовало ее вытеснению более простой для письма кириллицей. . Есть и гипотеза о более позднем появлении глаголицы. После смерти солунских братьев книги написанные на кириллице были запрещены Папой римским, и тогда ученики Кирилла и Мефодия создали глаголицу, чтобы сохранить самобытную славянскую письменность. Существует и взгляд на глаголицу как на некую тайнопись, которая была изначально создана для укрытия каких-то еретических идей. Искусственность этого алфавита очевидна, и он часто использовался еретическими или гонимыми сектами. В папских документах в нем видели алфавит готов-ариан.

Одни ученые предполагают, что обе азбуки были изобретены Кириллом, другие считают, что он создал только глаголицу, а кириллица возникла в X веке в Болгарии, в период расцвета болгарской литературы.

Говоря о народах уральской языковой общности (которая включает в себя 2 семьи – фино-угорскую и самодийскую), следует обратить внимание на то, что вслед за венграми и карелами наиболее древними письменными памятниками обладают коми. Письменность коми-зырян была создана миссионером Сефаном Пермским (Степаном Храпом) во 2-ой половине XIV века по образцу греческой и славяно-русской. В XVII веке она была вытеснена письменностью на основе славяно-русской графики. Письменные памятники других фино-угорских народов Урала относятся только к концу XVII – началу XVIII веков. Вообще у современных уральских народов письменность развита довольно неравномерно. Наряду с языками, имеющими давнюю литературную традицию (венгерский, финский, эстонский) имеются языки со слабо развитой письменностью (ненецкий, хантыйский, мансийский) и бесписьменные или письменность которых только разрабатывается (водский, вепсский и др.)

Надо сказать, что древние народы были не склонны считать письмо произведением человеческого ума и опыта, и каждый по своему объяснял его происхождение вмешательством мудрых богов. Так, например, египтяне утверждали, что их священные знаки создал бог письма Тот. Жители Месопотамии – вавилоняне «забыли», что получили письмо от шумеров и приписали его изобретение одному из богов - Набу. Греки создали миф, в котором рассказывалось о появлении бога Кадма, прихватившего по пути с Востока для греков целых шестнадцать букв.

Путешествуя во времени и пространстве, буквы заметно меняли и свой внешний облик: ложились на бок, поворачивались справа налево и наоборот, даже вставали с ног на голову. Начиная свое дол-

гое путешествие рисунком иероглифом, многие из них изменились так, что связь между ними может уловить только специалист. Так, известно, что первая буква алфавита А произошла от египетского иероглифа «Алеф», изображавшего голову быка. Если у египтян голова быка была вполне реалистичная, то у гиксосов это уже символ. Еще дальше пошли финикийцы: эти вряд ли помнили, откуда пошла эта буква, и положили ее на бок, резко спрямив все линии. Греки еще больше упростили беднягу «алефа» и повернули его слева направо. Славяне несколько скруглили углы и повернули букву справа налево. Ну а сегодняшняя А больше похожа на финикийскую: наши предки перевернули ее с «бока» и поставили «на рога».

Сложно представить, что каких-то 200 лет назад в русском алфавите не было буквы «ё». Но слова, в которых «е» произносилась как «ё», уже были. И достаточно много. Поэтому, когда в 1758 году в голову Николая Михайловича Карамзина пришла светлая мысль о недостатке в русском письменном языке буквы «ё», он сделал все возможное для того, чтобы узаконить накопившиеся за века особенности произношения слов с «ё». Так в русском алфавите появилась новая, седьмая гласная буква.

Нельзя сказать, что новенькую приняли с распростертыми объятиями. Вспомним хотя бы, что в то время в высших слоях общества различий в произношении «е» и «ё» практически не было. В тех же случаях, когда звук «ё» в слове был настолько очевиден, что игнорировать его было невозможно, на письме он изображался как «ю». Неудивительно, что впервые «ё» употребили в 1797 году. Но и позже ее употребление признавалось необязательным. Это отчасти объясняется тем, что отличительным признаком начертания «ё» являются две точки, не входящие в основное «тело» буквы. При письме такая особенность требует «отрыва» руки, что не очень удобно. По сей день продолжают споры, так ли необходима эта неудобная буква «ё».

Письмо не всегда преследует одну лишь практическую цель. Каллиграфия (от греч. *калос* – «красивый» и *графо* – «пишу») особенно ценилось в мусульманском мире. В Коране нет иллюстраций, его страницы украшали орнаменты и сама каллиграфия. Арабские «краснописцы» умели, например, длинные надписи целиком вписывать в очертания животных.

Китайские иероглифы состоят из 26 различных мазков, которые наносятся в строго определенной последовательности. Иероглиф *йонг*, означающий «вечный», - идеальный образчик для обучения пяти основным мазкам. Знаменитый каллиграф Ван Хижи по преданию потратил 15 лет на совершенствование своего написания *йонга*.

Список литературы:

Брукфилд, К. Письменность / К. Брукфилд . – М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. – 64 с.: ил.

Владимиров, Л.И. Всеобщая история книги / Л.И. Владимиров. – М.: Книга, 1988. – 311 с.

Домокош, П. Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош. – Йошкар-Ола, 1993. – 228 с.

Кузьмин, А.Г. Падение Перуна: Становление христианства на Руси / А.Г. Кузьмин. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 240 с.: ил.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.: ил.

Паль, Р.В. Человек придумал книгу / Р.В. Паль. – М.: Советская Россия, 1983. – 336 с.: ил.

Утевская, П. Слов драгоценные клады: рассказы о письменности / П. Утевская. – М.: Дет. лит., 1985. – 191 с.: ил.

Филякова, Е. Русская письменность / Е. Филякова, В.Меньшов. – М.: Белый город, 2004. – 48 с.: ил.

<http://www.tataroved.ru>



Национальная книга

О некоторых современных тенденциях и проблемах национальных литератур.

(На примере литератур Кавказа и Прибалтики)

Материалы для проведения круглого стола.

Тот, кто обратится к изучению национальных литератур последних, постсоветских, «постсоюзных» лет, сразу столкнется с определенными трудностями, ибо, по выражению Александра Эбаноидзе, «истончившиеся связи с сопредельными литературами – примета последнего десятилетия». Взаимное отчуждение между бывшими братскими народами перешло и на область литературы: всем стало как-то не интересно, что происходит в литературной жизни соседей, да и со своей национальной литературой познакомиться никто особенно не стремится. Так, например, Георгий Кубатьян, говоря о том, как трудно сегодня в Армении познакомиться с русскими книжно-журнальными новинками, подчеркивает, что «к этой беде прибавилась и другая: не самые ленивые, не самые самодовольные люди стали порою рассуждать агрессивно – не могу прочесть и не надо, не знаю мол, и знать не хочу».

Одну из причин такого «зазора» между национальными литературами многие видят в пассивной позиции по этому вопро-

су государственных властей. Тот же Г. Кубатьян спрашивает, почему бы российскому посольству в Армении, по примеру французского, не устроить в своем здании читальный зал или библиотеку «с открытым относительно доступом»? «Посольства западных стран активно содействуют переводу своих литератур на армянский и постановке на армянской сцене своих авторов; российское посольство подобной инициативой ни разу не отметилось». Почему не оказывается поддержки выходящему в Ереване русскоязычному журналу, редакция которого «давно уже бьется над неразрешимой проблемой – как отправить часть тиража... в Москву, Ростов, еще несколько городов». Увы, эти вопросы остаются без ответа. Автор с сожалением признает, что и «армянское посольство в Москве ведет себя ничуть не деятельнее».



Вопросы для круглого стола:

Действительно ли национальные литературы становятся сегодня «вещью в себе» и для себя? Настолько ли велико сегодня отчуждение между национальными литературами (прежде всего бывших союзных республик)?

Нужно ли преодолевать образовавшийся между ними «зазор» и как это сделать?

Другая проблема, которая отмечается в обзорах современных национальных литератур – их внутренний кризис. Внешне это выразилось в резком падении тиражей книг (особенно в 90-х годах прошлого века) даже классиков, продававшихся раньше десятками тысяч экземпляров. Так, по словам Азата Егизаряна, если первые

тома академического собрания Туманяна выходили в Армении тиражом в 75000 и тут же расходились, то последние тома выходили в 500 экземплярах – и не раскупались. Еще хуже обстояли дела с изданием современных авторов. Подобное происходило и в других республиках: в Литве, например, со времени провозглашения независимости (1990 г.) тиражи поэтических книг уменьшились в 10 раз, с 2000 экземпляров до 200. Государство практически полностью отказалось от забот о книгопечатании. Литература в одночасье стала делом частным, авторов и читателей. «Написал писатель книгу – ну пусть сам и напечатает, распространит, если это нужно ему и его читателям».

Изменение внешнего бытия литературы находило свое продолжение и подтверждение во внутренней жизни литературы, ее содержании и структуре. Как говорит армянский литературовед Петрос Демирчян, первое, что подмечает литературная критика в современной литературе, это растерянность перед стремительно переломившейся действительностью, перед той свободой, которая хлынула в республики бывшего СССР в 90-е годы после падения идеологических запретов. «Ряд писателей, не желающих рвать с классической традицией, продолжают писать в духе реализма, хотя в их произведениях дух времени, произошедшие катаклизмы и перемены отражаются весьма слабо. Другие ударились в иную крайность и сполна пользуются свободой и отсутствием цензуры, скандализируя общество эротикой и нецензурщиной... Третьи в растерянности и недоумении, с опаской взирая на реалии современной жизни, вовсе не пишут или перетряхивают старый багаж», - эти слова Сергея Мурадяна можно отнести, в той или иной степени, не только к литературному процессу Армении, но и к другим национальным литературам.

Влияние литературы на умы людей, на общество в целом резко ослабло. Книги обсуждаются в узких кругах любителей. Причину этого А. Егиазяян, например, видит в том, что «литература не хотела и не могла быть учителем жизни, активным и заинтересованным откликом на проблемы общества». Итак, одним из проявлений кризиса 90-х, по мнению некоторых авторов,

стало то, что литература утратила гражданскую позицию и перестала быть чем-то общественно важным. «Новая литература совершенно не хотела брать на себя ответственность за нравственное состояние общества. Это была усталая, разочарованная литература, точнее – литература усталых и разочарованных людей», смотрящих на мир из своего «психологического подполья».

Так, например, герой одного из самых популярных сегодня в Армении авторов Гургена Ханджяна, - человек, отвергнувший общество, «глубоко, можно сказать, онтологически, разочарованный», человек, нравственно больной. Ханджян уловил характерные черты современной жизни. Все осточертело: и общество как таковое, и то, что составляло смысл жизни многих поколений. Идеалы и лозунги стали пустыми оболочками, лишёнными содержания. Герои Ханджяна выступают против этой пустоты. Это бунт отчаявшихся людей. Бунт без определенных целей, который больше разрушает, чем созидает. Мысли об испорченности, апатию, чувство одиночества порождает роман латвийской писательницы Алисе Тифенталь «Рижское тепло» (2003). В разговорах и поведении персонажей – довольно декларативные, прозрачные намеки и узнаваемые приметы сегодняшних реалий. И над всем этим – одиночество. Спасаясь от него, героиня ищет все новые приключения, необходимой частью которых является очередной мужчина.

Тяга к изображению «психологического подполья» зачастую связана с детальным изображением человеческих «низменных инстинктов», физиологических отклонений, извращений. Насыщены многочисленными подробностями «подпольного неосвещенного бытия человека» произведения того же Г. Ханджяна. Подобное тяготение вообще является одной из характерных черт современной литературы. Латвийский критик Римандс Цеплис пишет: «Если предположить, что искусство наших дней имеет тенденцию ориентироваться на самые примитивные удовольствия, предлагаемые субкультурой, что идеализм иссяк, вполне уместно выдвинуть гипотезу о латышском романе XX-XXI веков как выразителе тенденции физиологизации человеческих потребностей и удовольствий, понимая под физиологизацией тенденцию редуциро-

вать все потребности и желания человека до уровня нужд его биологического естества». В латвийской литературе в подобном ключе работают Даце Рукшане, Инга Абеле, Янис Эйнфелдс и др.

Сосредоточенность литературы на «пороках и темных страстях» заставляет некоторых литературоведов говорить о подмене эстетических критериев «вольницей отсутствия запретных тем». Кроме того, эту тенденцию связывают с явлениями глобализации, с влиянием и даже экспансией Западной культуры (прежде всего постмодернизма, для которого характерна сосредоточенность на маргинальных явлениях культуры), что заставляет некоторых авторов опасаться потери национальными литературами своей самобытности из-за неспособности противостоять «этой нивелирующей и стригущей все под одну гребенку силе». Однако есть и не столь категоричное мнение. Например, армянский прозаик Норайр Адалян в стремлении к отображению внутреннего монолога человека, его душевной драмы, правда, не в массовом порядке, а в творчестве отдельных авторов, видит «новые формы проявления тревоги, ... непривычные художественные структуры, тщательно продуманный и логически обоснованный абсурд, которые противопоставляются поверхностной описательности, слезливой чувствительности». Он полагает, что это направление «имеет и собственно национальный ракурс, и одновременно это есть отзвук на некое западное влияние, попытка ступить на территорию общечеловеческого литературно-художественного мышления». Яркий представитель этого нового направления Гурген Ханджян настаивает на необходимости иметь «свой эквивалент зарубежного опыта», а о критиках глобализации высказывается еще резче: «Иные с закрытыми глазами ждут «возрождения национальной литературы». Непонятно, какого возрождения они ожидают, о каком возрождении мечтают? Об образах выпекающих лаваш, доящих коров стыдливых сельчанок, об экзотичных, размытых фольклорных персонажах, о синтетических исторических героях? А разве литература, которая пишется о сегодняшней Армении и сегодняшних армянах, пишется армянскими писателями и на армянском языке, не является национальной?»



Вопросы для круглого стола:

Чем вызван о падение интереса массового читателя к продуктам национальных литератур бывшего СССР?

Очевидно, что целый ряд писателей старшего поколения оставил заметный след в истории национальных литератур (да и интернациональной литературы тоже). А будет ли творчество современных молодых представителей национальных литератур столь же актуальным через несколько десятилетий?

Что превалирует в современном литературном процессе на территории бывшего СССР: эстетические критерии или «вольница отсутствия запретных тем»?

Общемировые (глобальные) эстетические тенденции, реализуемые на национальном материале или на его фоне, свидетельствуют о том, что исчезает понятие национальной (армянской, грузинской, молдавской, русской) литературы или все-таки корневые, глубинные традиции не дадут национальным литературам умереть?

Неотъемлемой частью национальных литератур последних лет является обращение к национальному прошлому, а также стремление пересмотреть и по необходимости переписать национальную историю: долгие годы нивелировки этнического фактора не могли не дать бурной компенсаторной реакции. По словам К.К. Султанова, этот процесс сопровождали «мучительные попытки выработать язык, адекватный новой реальности, нащупать новую культурную парадигму, одним из проявлений которой стал ностальгический, подчас нарочито стилизованный этнизм». Однако наряду с этим в последние годы появились и произведения, в кото-

рых «образ национальной действительности проверяется всеобщностью фундаментальных ценностей». К.Султанов относит к ним романы Х.Алиева «Батырай», Д.Ахубы «Кто бросит камень», повесть М.Дугричилова «Последний газават», трилогию М.Кандура «Кавказ» и др. П.Демирчян отмечает «глубинное отражение философских проблем национального и государственного устройства» в историко-художественных произведениях Перча Зейтуцяна, Зорайра Халафяна, Левона Хечояна, Вардана Григоряна и др. – армянских авторов как советского, так и современного периода, полагая неоспоримой их сегодняшнюю актуальность. Р.Цеплис обращает внимание на «Плутовской роман 1943-44» Дзинтара Содума, в котором автор разрушает мифы о героизме войны и идеалах, ради которых она началась, рассказывая «безо всякой страсти к приукрашиванию, откровенно, иронически и самоиронично обо всем, чего насмотрелся как корреспондент скитаясь по Латвии, России, Германии, Италии». Отмечает и латышский критик и новейший роман Паула Банковсиса «Секреты» (2003). Показывая историю одной лишь семьи, автор «доказывает, что герой латышской прозы не получает от жизни и исторических перемен ничего, кроме ужасных тайн и страданий так называемого маленького человека».



Вопросы для круглого стола:

Насколько большую роль играет этнический фактор в современной национальной литературе. Имеет ли место мысль о приоритете этнической специфики в ущерб самооценности художественного текста?

Насколько объективен взгляд на национальную историю в современной литературе?

Список литературы:

Егиазарян, А. Перепутье: заметки о литературе 90-х / А.Егиазарян // Дружба народов. – 2005. - № 2. – С. 174-178.

Кубатян, Г. Зазор: о причинах и последствиях размежевания русской и армянской литературы / Г.Кубатян // Дружба народов. – 2005. - № 2. – С. 170-173.

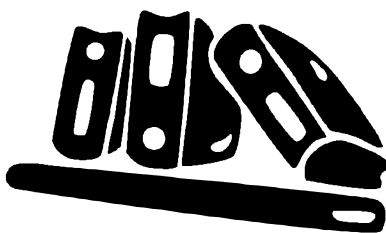
Литература и вызовы времени. На вопросы анкеты отвечают Норайр Адалян, Петрос Демирчян, Гурген Ханджян / Н.Адалян, П.Демирчян, Г.Ханджян // Дружба народов. - 2005. - № 2. – С. 179-185.

Султанов, К.К. «Лабиринт сцеплений». Этническое – национальное – художественное / К.К.Султанов. - М.: Наследие, 1996. – С. 150-161.

Цеплис, Р. От известного до неведомого: обзор новейшей латышской прозы / Р.Цеплис // Дружба народов. – 2004. - № 10. – С. 146-157.

Шидлаускас, М. Взгляд на новую литовскую поэзию / М. Шидлаускас // Дружба народов. – 2005. - № 12. – С. 127-129.

Эбаноидзе, А. Безвизовый визит / А.Эбаноидзе // Дружба народов. – 2004. - № 3. – С. 3-4.





Национальная сказка

Викторина для школьников

Данная игра может проводиться в самых различных вариантах: от простой формы вопросов и ответов до чтения по ролям, разыгрывания сценок по представленным сказочным сюжетам.

Неисчислимы сокровища сказочного народного творчества. Иногда сказки разных народов, казалось бы, повторяются. Знакомство со сказками с неизбежностью приведет читателя к мысли, что их разнообразие всегда сочетается с единством в важнейших идеях, сюжетных положениях и темах. Все народы единомысленны в том, что считать истиной, а что – ложью, что – правдой, а что – обманом, что есть преступление и какое наказание следует злодею. Эти мировоззренческие понятия – незыблемая основа, организующая идейную и сюжетную структуру сказок всех народов. Но при этом сказки не бывают и совершенно одинаковы. И в этом их прелесть. Творчество национальное, самобытное, сказка неотделима от жизни народа со всеми особенностями его исторического бытия.

Вот, например, **кабардинская сказка о девочке Гюлезе и**

ее брате Инале: У самых синих гор, говорится в сказке, жила девочка. Ее мать умерла. Отец привел в дом мачеху – ведьму. Немоготу стало жить девочке. Взяла она брата и ушла с ним из дома. Далеко ушли дети. И вот перед ними – песчаная пустыня. Становится все жарче.

- Пить хочу, - говорит брат сестре.

- Потерпи, сейчас до воды дойдем, - отвечает сестра.

Шли-шли – попался им на пути глубокий след от верблюжьей ноги, в нем вода от дождя застоялась.

- Позволь, Гюлез, - говорит брат, из верблюжьего копытца напиться.

- Не пей, Инал, как коснешься губами заколдованной этой воды, сразу верблюдом станешь...

Вопрос: Какую известную русскую сказку напоминает этот сюжет? И какие отличия подчеркивают различную национальную принадлежность этих сказок?

Ответ: Без труда можно узнать в этой истории известную сказку о сестрице Аленушке и братце Иванушке. Однако в кабардинском варианте естественно было говорить о верблюьем следе (а также о воловьем и овечьем), о синих горах и жаркой песчаной пустыне вместо широких полей и лесов, через которые проходил путь брата и сестры в русской сказке.

Другой пример подобного сочетания единства и многообразия. **В башкирской сказке «Акъял-батыр»** главный герой находит себе товарищей: Тау-батыра (Горного богатыря), который переставлял горы, и Урман-батыра (Лесного богатыря), пересаживавшего деревья.

Вопрос: Как эти персонажи назывались в русской сказке?

Ответ: Горыня и Дубыня (в белорусском варианте – Гора-Горевик и Дуб-Дубовик).

Сказки (прежде всего архаические), обнаруживают отчетливую связь с национальной мифологией, ритуалами, обычаями. Так, **мотивы, характерные для тотемистических мифов, широко отразились в сказках о животных.** Например, совершенно

очевидно мифологическое происхождение универсально распространенного сюжета о браке героя с чудесным «тотемным» существом, временно сбросившим звериную оболочку и принявшем человеческий облик

Вопрос: В какой известной русской сказке имеется такой сюжет? (Можно назвать и сказки других народов)

Ответ: В сказке «Царевна-лягушка». (Подобный сюжет – в литовской сказке «Королева Лебедь», в карельской сказке «Девушка-птица», в чувашской сказке «Альдюк»)

Само слово «сказка» возникло в русском языке лишь в XVII веке.

Вопрос: А как до того времени назывались эти памятники устного народного творчества?

Ответ: Они назывались «баснями» - от слова – «баять» - рассказывать, говорить.

Однако на этом **связь между басней и сказкой** не заканчивается. Смысл басен всегда был сродни народному, сказочному, и едва ли не заимствован поэтами. Ведь сказки возводят бытовые ситуации и воссоздаваемые коллизии на вершину всеобщих жизненных обобщений.

Например, **литовская сказка «Рак и ворона»:**

Летела голодная ворона над озером и поймала рака. Видит он – плохи его дела и сказал:

- Какая ты красавица, воронушка. Таких перышек я ни у кого не видывал!

Ворона промолчала, а рак продолжал:

- Может, у тебя и голосок приятный?

Ворона – ни гу-гу! Но вот рак назвал ворону – «царицей всех птиц». Тут она не выдержала, сказала:

- Ага!

И упустила рака, упал он в озеро.

Вопрос: Сюжет какой известной басни напоминает эта сказка? В чем их мораль?

Ответ: Басня И.А. Крылова «Ворона и лисица», как и при-

веденная выше сказка, имела целью показать, как лесть к выгоде льстеца способна лишить восхваляемого ума.

Сказочные сюжеты были популярны не только у баснописцев. Они вообще **часто пересказывались и обрабатывались писателями.**

Так, **украинская сказка «Солдат и ведьма»**, где пришедший на побывку служивый был вынужден взнудать и заездить до смерти обернувшуюся лошадью ведьму, а потом по принуждению ее отца – богатого купца - три ночи читать над мертвой ведьмой псалтырь, легла в основу одного знаменитого авторского произведения.

Вопрос: Как это произведение называется и кто его автор?

Ответ: «Вий» Н.В. Гоголя.

Очень знакомым покажется и сюжет удмуртской сказки «Как произошли медведи»:

В одной деревне жили очень бедные старик со старухой. Раз послала старуха старика в лес за лучиной. Только хотел старик срубить в лесу березу – лучину нащепать – как заговорила она человеческим голосом:

- Пожалей меня, старик, не руби. А что тебе надо – все будет.

Ничего не попросил старик, вернулся домой и рассказал старухе про это чудо.

Надо ли говорить, что жадная старуха не раз и не два послала мужа к березе с разными просьбами. Наконец, велела попросить что-нибудь страшное, чтобы отпугивать всех от своих сундуков с золотом. В результате старик и старуха сами превратились в страшных медведей.

Вопрос: В какой с детства известной сказке присутствует подобный сюжет? Кто ее написал?

Ответ: В «Сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.

Марийская сказка «Нончык-патыр» («Богатырь из теста») и белорусская сказка «Черт, медведь и заяц» напомним нам другое известное произведение великого русского поэта:

Герой первой сказки Нончык-патыр нанялся в батраки к богачу. Но когда пришло время расплачиваться за работу, жадный хозяин задумал погубить богатыря. Он приказал своему работнику пригнать с дальнего поля стадо овец. На самом деле там вместо овец бродили голодные волки. Однако Нончык-патыр справился с работой, пригнав этих волков на хозяйский двор. Тогда хозяин придумал послать его в лес к медведям, приказав пригнать оттуда своих лошадей. Но богатырь привел и медведей. Наконец, богач отправляет Нончык-патыра на Чертово озеро, чтобы тот привел в гости его брата, якобы там живущего. Однако, когда хозяин увидел, что Нончак-патыр возвращается жив-невредим да еще тащит за собой черта, понял, что придется расплатиться с таким работником сполна.

В белорусской сказке один бедняк забредает в большое болото и говорит живущим там чертям, что пришел строить церковь. Черти предлагают бороться – кто сильнее. Бедняк отправляет черта побороться со своим «старым дедом», который лежит под елкой. Этим дедом оказывается медведь, который и намял черту бока. В следующий раз черт предлагает состязание в беге и проигрывает его «сынку» мужика – зайцу. В третий раз бедняк побеждает черта в свисте, «свистнув» того дубиной по уху. В результате чертям пришлось откупаться от находчивого мужика, насыпав ему полную яму золота.

Вопрос: В каком же произведении А.С. Пушкина происходят похожие события?

Ответ: «Сказка о попе и работнике его Балде»

Надо сказать, что сказки не зря называют кладезем народной мудрости. Во многих из них именно смекалка помогает выйти героям из сложного положения. Проверьте, сможете ли вы, подобно сказочным героям, решить такие задачки на сообразитель-

НОСТЬ.

В татарской сказке «Умная девушка» падишах вместе со своим сыном Абдулом поехал путешествовать. Дорога была долгой, и падишаху стало скучно. Говорит он сыну:

- Сделай дорогу короче – скучно мне что-то стало.

Абдул сошел с коня, взял лопату и стал копать дорогу. Падишаху стало досадно, что сын не может понять его просьбу. Сказал он сыну:

- Если завтра к утру не додумаешься, как сделать дорогу короче, накажу тебя строго!

Пришлось незадачливому Абдулу обратиться за помощью к своей мудрой жене Магфуре.

Вопрос: Что Магфура посоветовала сделать, чтобы укоротить дорогу?

Ответ: Чтобы укоротить скучную дорогу, надо со своим спутником вести разговоры.

В русской сказке «Мудрая дева» царь загадывает двум мужикам четыре загадки:

Что всего на свете сильнее и быстрее?

Что всего на свете жирнее?

Что всего мягче?

Что всего милее?

Бедному мужику подсказала правильные ответы его дочка.

Вопрос: Как она ответила на эти вопросы?

Ответ: Сильней и быстрее всего ветер.

Жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет – все земля питает.

Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все под голову руку кладет.

Милее всего на свете сон.

Подивившись мудрости девы, царь сказал мужику, чтобы его дочь явилась во дворец ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка.

Вопрос: Как же выполнила задание царя мудрая дева?

Ответ: Надела на себя вместо одежды сеть, приехала верхом на зайце и привезла в подарок перепелку. Только протянул царь руку за подарком, как перепелка улетела.

В калмыцкой сказке «Левый глаз хана» правитель также испытывает мудрость девушки Кооку, задавая ей хитроумные вопросы. В конце - концов он попросил узнать цену его сокровищ. Кооку согласилась, но поставила условие, чтобы хан не ел четыре дня.

Вопрос: С какой же оценкой, данной Кооку его сокровищам через четыре дня, хан согласился?

Ответ: Что они не стоят и одного куска мяса.

Список литературы:

Мелетинский, Е.М. От мифа к литературе: курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика» / Е.М. Мелетинский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 170 с.

Сказки народов России / Сост. Н. Будур. – М.: АСТ: Астрель, 2004. – 687 с.

Сказки народов СССР: в 2-х томах. Т. 1 /Сост.В.П. Аникина. – М.: Правда, 1986. – 576 с.

Сказки разных народов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.





Национальная шутка

Или об особенностях национального юмора

Уже в первых письменных источниках, оставленных нашими отдалёнными предками, имеются свидетельства того, что юмор был с нами всегда. По мнению известной британской исследовательницы **Кэрол Эндрюс**, юмор древних египтян был схож с современным. Они так же любили непристойные шутки, у них были политическая сатира, пародии, подобное мультипликации искусство и даже чёрный юмор.

Пожалуй, лучше всего продемонстрировать особенности современного национального юмора может анекдот. Что же такое анекдот? Слово происходит от греческого *anecdotos* — «неизданный, неопубликованный». Это «фольклорный жанр, краткий устный, обычно анонимный, рассказ с остроумной концовкой, имеющий сатирическую или шутливую окраску».

В английской языковой культуре нечто подобное называет-

ся *joke, canned joke, funny story* («шутка, забавная, эффектная история»). Французы аналогичное именуют как *histoire* («басня, небылица») или *amusante histoire* («забавная история»). Такая же ситуация и в немецком языке: словом *Witz* немцы обозначают и шутку, и остроту, и то, что мы называем словом *анекдот*.

Ведущий содержательный мотив анекдота — пародия. В этом его основная жанровая функция: пародирование официальной культуры во всех ее проявлениях. Этим анекдот как жанр устной речи и как фольклорное произведение отличается от литературного анекдота, фиксировавшего в письменных текстах реальные комические события поучительного и назидательного характера. В современном городском анекдоте совершенно иная коммуникативная установка: любые события, любые реалии общественной или частной жизни подаются в заведомо «перевернутом», пародийном ракурсе шутливого общественного вызова, антикультурной провокации.

Но главная особенность современного анекдота — это «единственный в XX веке продуктивный жанр городского фольклора». В отличие от многих других живых фольклорных текстов, городской анекдот регулярно, систематически и в немалых количествах воспроизводится, откликаясь на все более или менее значимые события в стране и за ее пределами.

Русский анекдот как жанр городской устной речи имеет два источника.

Первый источник — старое понятие *анекдот*, известное и западным культурам: короткий, обычно нравоучительный рассказ о событии или происшествии из жизни исторического лица. Такие истории не только передавались устно, но с середины XVIII века в России оформились и как особый литературный жанр. Затем в общем процессе демократизации и снижения элитарной культуры старый, европейский по своему происхождению, изысканный и шутливо-нравоучительный литературный анекдот популяризируется, становится массовым общенародным достоянием, претерпевая при этом существенное жанровое перерождение: он становится

ся преимущественно устным, стереотипным и лаконичным по форме, но более разнообразным по тематике. Популяризация и развитие анекдота стимулировались и «снизу», от традиционной народной культуры. Это и есть *второй* источник современного анекдота как жанра городского фольклора. В традиционном русском фольклоре нет прямого аналога классического анекдота, но, несомненно, есть его жанровые и содержательные предшественники. Это *бытовая сказка* с ее типовыми композиционными моделями, характерными персонажами и сатирическими мотивами, *бывальщина* — устный рассказ о достоверных событиях из опыта говорящего, но интересный многим, *байка* — не всегда правдоподобная, но занятная, забавная история с определенным сюжетом. Возможно, это также *частушка* — комический или сатирический жанр народной лирики. Наконец, нельзя не отметить и некоторые связи городского анекдота с традициями *народного театра, балагана*.

Однако временем оформления и массового распространения анекдота в его новом понимании, как жанра городского фольклора и как произведения преимущественной устной речи, следует считать установление тоталитарного режима в Советском Союзе, послужившего сильнейшим стимулом, толчком для развития этого уникального явления: «На протяжении семидесяти лет существования тоталитарного государства анекдот был своего рода клапаном, который позволял хотя бы частично ослабить идеологический пресс, давал выход стихийному протесту народных масс. В определенном смысле юмор компенсировал отсутствие возможных свобод.

Известно, что человеку свойственно шутить в критических и опасных ситуациях. Классическим примером были шутки, которыми А.Суворов ободрял своих солдат. Можно спорить об их уместности на поле сражения, но великий полководец за всю жизнь не проиграл ни одного сражения. Д. Лихачёв считал даже, что *“ободрение смехом в самый патетический момент смертельной угрозы всегда было сугубо национальным, русским явлением”*. Поэтому самые лучшие анекдоты, неизменно вызывающие хохот, это

анекдоты про критическое время – репрессии, войну, финансовый кризис:

Программа вывода России из экономического кризиса выполнила недопустимую ошибку и будет закрыта.

По данным социологических опросов психоэмоциональное состояние россиян выражается такими чувствами как «несправедливость всего происходящего вокруг» (58%), «страх перед беспределом и разгулом преступности» (55%), «стыд за нынешнее состояние страны» (60%). Способно ли общество преодолеть свои невротические комплексы и «сценарные предписания», препятствующие нормальному развитию в настоящем и адекватному проектированию будущего? Для этого необходимо преодолеть стереотипы сценарных предписаний прошлого, идентифицироваться с другим образом настоящего. Анекдот позволяет проработать и сценарные ошибки, и парадоксальный выход из стереотипной безвыходной ситуации. Социальные страхи — перед беспределом, силой, деньгами — прорабатываются в анекдоте, трансформируясь в позитивную установку на успех. Анекдот, таким образом, обладает определенной компенсаторной функцией: то, над чем мы посмеялись, перестает быть определено страшным.

Чтобы заработать на жизнь, надо работать. Но чтобы разбогатеть, надо придумать что-то другое.

На светофоре в стоящий «Мерседес» врезается «Запорожец». Из «Запорожца» выскакивает мужичонка и объясняет водиле «Мерседеса»: «Ты не волнуйся, браток! Сейчас поедем ко мне на стоянку, все отремонтируем, будет лучше, чем было». Ладно, сели поехали на стоянку. Вдруг на следующем светофоре водила «Мерседеса» вновь чувствует удар. Он поворачи-

вається — опять тот же «Запорожец». Водитель «Запорожца» машет ему рукой и кричит: «Не волнуйся, браток! Это свои!»

Анекдот, несмотря на свою злободневность, как и другие фольклорные жанры, глубоко укоренен в национальной культуре. Стереотипные персонажи анекдотов являются известными, узнаваемыми фигурами-пародиями национальной культуры, либо мифологизированными этническими типажам («чукча», «грузин», «еврей», «русский», «хохол» и др.), за которыми в массовом сознании закреплены характерные образы (чаще всего односторонние, условно-схематические) и комические стандарты их поведения, но которые адекватно воспринимаются при этом почти исключительно в пределах русской речевой культуры. Каждый из прецедентных персонажей наделяется определенным набором клишированных качеств: прямолинейная вульгарность поручика Ржевского, шокирующая непосредственность и озорство Вовочки, маразматические реакции Брежнева, хитрость украинца, дремучая наивность чукчи, печальная обреченность и самоирония еврея и, естественно, непобедимая лихость русского. Характерно, что в анекдоте даже наши стереотипные национальные недостатки превращаются в достоинства:

Инопланетяне поймали англичанина, китайца и русского. Поставили их перед фактом, что оставят в живых только того, кто сумеет их более всех удивить. При этом дали каждому по два металлических шарика и развели по совершенно пустым и герметичным комнатам. Через некоторое время проверяют результаты. Англичанин ловко жонглирует шариками с невозмутимостью и двигая только руками. Привели китайца. Тот уже жонглировал одной рукой. Пошли за русским. Вернулись в полном изумлении. Оказывается, что один шарик он сломал, а второй потерял...

Анекдот как защитный механизм, превращающий страшное

в смешное, и позволяющий с оптимизмом смотреть в будущее сближает русский национальный юмор с еврейским. «Нет народа с более трагической судьбой, чем еврейский народ. Если бы не юмор, этот спасательный круг, неизвестно, каковы были бы сейчас евреи».

Еврейский юмор включает в себя этнические шутки, в которых упоминается национальное меньшинство как предмет насмешек. Кроме того, «наиболее часто упоминающимися национальными чертами, высмеиваемыми в еврейских шутках, являются: язвительность, хитрость, ум, трусость, нечистоплотность, еврейская логика, страсть к деньгам, ...семейные отношения (еврейские мамы и жёны, а также еврейские дочки). Упоминаются в них и антисемитизм, отношения с неевреями и даже погром».

Еврей заполняет анкету.

- *Служили в царской армии?*
- *Нет.*
- *В белой армии?*
- *Нет.*
- *Находились на оккупированной немцами территории?*
- *Нет.*
- *Были под судом и следствием?*
- *Нет.*
- *Есть ли у вас репрессированные родственники?*
- *Нет.*
- *Национальность?*
- *Что да, так да!*

Евреи пришли к Кагановичу и спрашивают:

- *Как нам жить теперь?*
- *Как жить теперь, спрашиваете? Как в трамвае: трясутся все, но евреи не должны занимать первые места и высовываться! –*

ответил Каганович.

Еврейская семья приезжает в Швейцарию. Они останавливаются, чтобы рассмотреть большой фонтан. И тут старый еврей говорит:

- Дети мои, посмотрите на этот фонтан! Как он похож на нашу жизнь!

- Чем похож, дедушка? - спрашивает один из внуков.

- А Бог его знает! - ответил, подумав, старик.

В местечке живет очень бедный сапожник. Когда у его семьи заканчивается последняя копейка, он обклеивает все местечко афишами:

"Всего один раз! В воскресенье Изя Камкин пройдет над местечком по канату, натянутому между шпилем ратуши и пожарной каланчой. Вход - 1 рубль".

Поглязеть на это событие собралась большая толпа. Изя все нет и нет.

Наконец, он появляется в окне ратуши и говорит:

- Евреи! Я никогда не ходил по канату! Но я сделаю это ради жены и детей. Я пройду три шага и, конечно, упаду. Дети останутся сиротами, жена - вдовой. Вам будет стыдно, но вернуть меня вы не сможете. Сейчас я пойду!

- Ладно, не иди! Черт с тобой! - пожалели Изю евреи. Толпа начала расходиться.

Тогда Изя высунулся из окна и крикнул вслед расходившимся людям:

-Евреи! Приходите завтра!

Как-то в местечко зашли казаки и их хорунжий увидал на заборе круги для стрельбы и посредине дырку, прямо в яблочко. Едут казаки дальше, и опять круги и попадание прямо в яблочко.

И еще раз, и еще. Спрашивает хорунжий прохожего:

- *И кто это здесь в местечке так стреляет?*
- *Так это Шефтель, сынишка портного.*
- *Вот молодец! И где он так выучился?*
- *Очень просто. Он сначала стреляет, а потом рису-*

ет круги.

- *Я сказала моему сыну жениться на нееврейке. Если он женится на хорошей еврейской девочке и она забеременеет, он будет беспокоиться о её здоровье. Если она растолстеет или заболит, он таки будет переживать.*
- *Но нееврейская жена тоже может забеременеть, или растолстеть, или...*
- *Конечно, но кто ж будет переживать?*

Притчей во языцех стал специфический **английский юмор**. В его основу легло расхожее представление о сдержанности англичан, об умении говорить смешные вещи с невозмутимо серьезным выражением лица. «Невозмутимость при неправдоподобных происшествиях и удивление мелким деталям на фоне общей абсурдности — отличительная черта типичного английского анекдота».

Слуга обращается к лорду:

— *Сэр, осмелюсь доложить, что на кухне некоторым образом возник пожар.*

Хозяин дома медленно отложил «Таймс» и сказал:

— *Сообщите это леди. Вы же знаете, Робинс, что я не занимаюсь домашним хозяйством.*

— *Сэр, — говорит нотариус, — ваш покойный дядюшка завещал вам три дома в Лондоне, двести тысяч фунтов стерлингов наличными и охотничью собаку.*

— Надеюсь, собака породистая?

В одном английском клубе за столом сидят трое джентльменов и молчат уже битый час. Наконец один вздыхает. Другой вздыхает еще глубже. Третий вскакивает и кричит: «Перестаньте же, наконец, говорить о политике!»

Однако, и английскому юмору, подобно русскому и еврейскому, также присуща самоирония, это умение посмеяться над своими недостатками, над своей спесью, над своей жадностью, над своим самомнением.

Скептически настроенному британскому лорду продемонстрировали новейший компьютер, способный отвечать на любые вопросы.

Лорд задал вопрос: “Что сейчас делает мой отец?”

Компьютер: “Сейчас ваш отец ловит рыбу на берегу Темзы”.

Лорд торжественно вынимает из кармана телеграмму от своего секретаря: “Лорд Бартелл вылетел вчера на курорт в Ниццу”.

Компьютер отвечает: “Лорд Бартелл вылетел вчера на курорт в Ниццу. А ваш отец ловит рыбу на берегу Темзы”.

Широко распространено мнение европейцев о том, что **чувство юмора у японцев** отсутствует напрочь. Это связано с тем, что стиль мышления в странах Дальнего Востока из-за особенностей языкового строя сильно отличается от европейского мышления.

Между собой японцы по большей части рассказывают не анекдоты, а байки, т.е. достаточно длинные истории, над которыми смеются практически только сами японцы, потому что эти истории наполнены аллегориями из классических произведений, на-

родных сказок, преданий и т.д.

Еще один жанр народного юмора - ОСЯРЭ - "игра слов". В японском языке много одинаково звучащих слов или грамматических конструкций, напоминающих слова. Важно, чтобы присутствовал смысл, правильность конструкции, ну, и, самое главное, созвучное сочетание слов. Вот один пример: "ХАТАХАТА-ВА НАН ДЕС КА. ХАТАХАТА-ВА ХАТА НИ-МАЙ". (пер.: "Что такое хатахата? Хатахата - это два флага"). Здесь соль в том, что есть рыба под названием "хатахата" и есть слово "флаг", которое тоже читается "хата". Поэтому повторение слогов "хата" два раза переведено в шутку, что это два флага, а не название рыбы. Для японцев это смешно. Проблема с игрой слов, как и в любом языке, в невозможности ее адекватного перевода.

Есть, конечно, и профессиональные "шутники", т.е. юмористы, выступающие с концертами. Жанр традиционного японского юмора называется РАКУГО. В его рамках существует несколько династий артистов. Это виртуозы импровизации и сценического искусства. Выступают мастера ракуго в традиционной одежде кимоно, из реквизита у них только веер, с помощью которого они изображают все - от сосуда с саке до зонта. Их сценки и монологи чаще основаны на сюжетах из повседневной жизни: не в меру пьющие люди и недоразумения, происходящие с ними; семейные отношения; война невесток со свекровьями и т.д., - в общем, никому не чуждые вещи.

Коллеги по сцене мастеров ракуго - это юмористы более европейского стиля. Конечно, это не значит, что их репертуар ограничен шутками о Западе, просто они выступают в обычной одежде, а говорить могут о чем угодно. Чаще всего это сценические пары типа наших Тарапуньки и Штепселя, Карцева и Ильченко. Они тоже разыгрывают сценки, поют куплеты. Старшее поколение наверняка помнит куплеты Рудакова и Барина "С обратной стороны" (про пылесос: ... вся пыль в него влетает с ковров и со стены... и тут же вылетает с обратной стороны). Такого же плана куплеты поют и японцы, шутки те же, а это говорит о братстве наших народов. *"Почему корабль пошел ко дну? - Потому что*

Ямада на третьей палубе объелся устрицами"

В передаче "СЁТЭН" (Вокруг смеха) участники должны придумать шутку на заданную ведущим тему. Например - тема "эта вещь плохая, объяснить причину". Шутка - "Этот сейф плохой, в него не влезает мертвая тёща". Японцы громко смеялись над этим высказыванием. Но, конечно, в Японии есть и безобидный юмор.

К примеру, считается, что национальное чувство юмора японцев направлено на то, чтобы сгладить острые углы, разрядить атмосферу, примирить спорщиков. Хорошая японская шутка помогает жителям страны восходящего солнца найти общий язык и взаимопонимание.

На примере того же японского юмора, хорошо видно, что национальные шутки могут быть несмешными для представителей других культур. Юмор – неотъемлемый элемент национального существования, а такие вещи переводятся на язык другой культуры с большим трудом.

Для достижения эффекта смешного необходимо, прежде всего, чтобы слушатель ощутил личную сопричастность к субъектам шутки (персонажи анекдота, как и персонажи фольклорного театра, не должны нуждаться в представлении, они предполагаются известными всем носителям языка и представителям данной культуры). Например, в 90-х годах в Америке была популярной следующая шутка, прозвучавшая на одном из радио-шоу: *"Почему вице-президент полетел в Панаму?" "Потому что там уже не стреляют"*. Мы понимаем соль этой шутки. Для нас не составит труда догадаться, что в ней высмеивается трусость вице-президента. Но человек, не живший в Америке в то время, вряд ли припомнит, кто был вице-президентом, личные качества вице-президента тревожат этого человека в такой же степени, как поведение лежащего кирпича. Как результат, эта шутка для большинства из нас не смешна. А вот американцы смеялись над ней.

Вообще, непонимание юмора как следствие недостаточной компетенции в межкультурном общении может быть разбито на

несколько типов: 1) непонимание бытового юмора, связанное с отсутствием аналогичных реалий в своей культуре, 2) непонимание тех или иных принятых этикетных норм, 3) непонимание глубинных ценностей соответствующей культуры

Например, при выявлении реалий нашей культуры, непонятных для англичан, было отмечено, что весьма специфически для русской культуры являются анекдоты о милиции. Отношение к стражам порядка у носителей русской культуры резко отрицательное. Милиция в зеркале анекдота отличается коррумпированностью и недалекостью.

Приходит милиционер-гаишник домой, злой и замерзший – мало заработал, стоя на трассе. Ему открывает дверь сын-школьник. Гаишник кричит: «Давай дневник, если получил двойку, выпорю!» Мальчишка в слезах бежит к матери: «Мне сегодня как раз двойку поставили!» «Ладно, не бойся», – говорит мать и кладет в дневник сыну на страницу с двойкой пятьдесят рублей. Мальчишка с ужасом подает дневник отцу. Тот, нахмурившись, листает, доходит до странички с банкнотой, кладет ее в карман, облегченно вздыхает и говорит: «Хорошо, что хоть дома все в порядке!»

Этот текст показался трудным для англичан, они поняли, что речь идет о неадекватном поведении милиционера, но вся система русских реалий оказалась для них закрытой. Английские респонденты оказались в затруднении и при попытке понять анекдот, в котором фигурирует весьма специфическая для русского языкового сознания ценность:

Объявление в украинской газете: Меняю ковер 3x4 м на кусок сала такого же размера.

В сознании русских сало – любимая пища украинцев, анекдот содержит очевидную гиперболу. При этом в качестве мерил ценности выступает ковер, который в наших квартирах часто вешали на стену как украшение и который рассматривался как ценная инвестиция. В английском нет однословного и однозначного перевода русской реалии ‘сало’, есть слова, означающие жир, топленый жир, англичанам непонятна гипербола в размерах необъятного куска сала, наконец, они воспринимают ковры только как удобное напольное покрытие, а вовсе не как предмет искусства или демонстрацию благосостояния.

Носители русской культуры, в свою очередь, не нашли ничего смешного в английской шутке:

Судья предупреждает свидетеля: «Вы понимаете, что Вы дали клятву говорить правду?» «Да». «Вы понимаете, что случится, если Вы не будете говорить правду?» «Конечно», – говорит свидетель, – мы выиграем процесс».

Эта ситуация в русском языковом сознании представляется самоочевидной, здесь нет внутреннего конфликта, который для английского менталитета состоит в признании высокой значимости концепта ‘закон’, необходимости соблюдения закона, ‘игры по правилам’ (*fair play*).

В целом, затруднения у русских респондентов при интерпретации английского юмора сводились к следующим типовым ответам: «пресная шутка», «чужой образ жизни, нас это не волнует», «я понимаю смысл анекдота, но смеха он не вызывает». Весьма частой реакцией респондентов (28%) было удивление: почему английская шутка такая длинная? («Похоже на рассказ Диккенса»). В русской культуре приняты гораздо более короткие анекдоты.

Трудно поддаются пониманию в межкультурном поле национальные анекдоты, построенные на игре слов, так как при переводе на другой язык они теряют свою остроту, а нередко и вся-

кий смысл.

Однако выясняется, что в межкультурном общении вполне понятны шутки универсального характера (как правило, на темы отношений между мужчинами и женщинами, между начальниками и подчиненными, а также ситуации различных ловушек и розыгрышей). Поэтому представители разных культур, несмотря на различия в национальном юморе, все-таки могут «дошутиться» друг до друга, а совместная шутка всегда способствует взаимопониманию. Ведь «анекдот бросает вызов серости, монотонности, пригложенности, стандартности как поступка, так и мысли...», «раскрывает душу» на встречу слушающему и понимающему, сближает в «слишком человеческом», которое может противостоять нормативному и общепринятому».

Список литературы:

Аникин, В.Г. Русское устное народное творчество: учебное пособие / В.Г. Аникин. – М.: Высш. шк., 2001. – 726 с.

Бореев, Ю.Б. XX век в преданиях и анекдотах: в 6 кн. Кн. 5-6 / Ю.Б.Борев. – Харьков: Фолио; Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 351 с.

Еврейские шутки / Сост. Е. Захаров, Э. Митнаевский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 320 с.

Карасик А.В., Карасик В.И. Непонимание юмора в межкультурном общении // А.В.Карасик, В.И.Карасик. - Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.1. Межвузовский сборник научных трудов. - Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. - С.13-27.

Курганов, Е. Анекдот как жанр / Е. Курганов. – СПб.: Академич. Проект, 1997. – 123 с.

Лихачев, Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.

Потешки. Считалки. Небылицы / Сост. А.Н. Мартынова. – М.: Современник, 1997. – 366 с.

Смирнова, М. Хоронили тещу – порвали три баяна: Что смешит русских / М. Смирнова // Националь. – 2005. - № 2. – С. 78-79.

Суворова, Е.Э. По-ту-да абсурдность // Е.Э. Суворова. - Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.31-42.

<http://www.fixed.ru>

<http://www.sem.40.ru>

<http://russia-japan.nm.ru>

<http://www.lebed.com>

<http://www.iudaizm-protiv-sionizma.ru>

<http://anthropology.ru>

<http://roxy.kiev.ua>

<http://www.proza.ru>

<http://www.rusinst.ru>

<http://www.newizv.ru>

<http://tmn.fio.ru>



По вертикали (в выделенном столбце):

Основной элемент мусульманского праздника Курбан-байрам.

По горизонтали:

1. Еженедельный праздничный день мусульман
2. Еврейский праздник, перед которым из дома убирают все хлебобулочные изделия
3. Православный праздник, накануне которого не едят до первой звезды
4. У башкир весенний детский и женский праздник прилета грачей
5. Древний праздник мусульманских народов – День весеннего равноденствия
6. Еврейский праздник, который отмечается в шалаше
7. Самый веселый еврейский праздник, традиционное угощение на котором – «уши Амана»
8. Древний осенний праздник завершения хозяйственного года у карел. Нашел отражение в поговорке: репа в яме, баба на печи, пришел ...
9. Ночь чудесного путешествия и небесного вознесения пророка Мухаммеда
10. Еврейский праздник, в который даже нищий обязан одолжить деньги или продать свою одежду, чтобы купить масло или, по крайней мере, свечи для специального праздничного светильника
11. День получения еврейским народом Торы на горе Синай
12. Сабантуй – у татар, акатуй - у чувашей, ага пайрем – у марийцев, ... - у удмуртов
13. Один из основных двенадцатых праздников, отмечается на 40-й день после Пасхи. В народном православии есть поверие, что в этот день небесные врата открываются для всех, любой усопший, даже грешник, попадает в рай.
14. Древний славянский праздник, главным символом кото-

рого являются блины

15. День рождения Пророка Мухаммеда

16. Двенадесятый православный праздник. В этот день совершается великое освящение воды.

Ответы:

По вертикали:

Жертвоприношение

По горизонтали:

1. Джума
2. Пейсах
3. Рождество
4. Каргатуй
5. Навруз
6. Суккот
7. Пурим
8. Кегри
9. Мирадж
10. Ханука
11. Шавуот
12. Акаяшка
13. Вознесение
14. Масленица
15. Мавлид

Крещение

Примечание:

Можно давать слово по вертикали в качестве подсказки или наоборот давать приз за отгадывание его как ключевого слова.

Также вопросы кроссворда можно задавать устно – в форме викторины.



Национальный костюм

Конкурс с демонстрацией

Известно, что костюм – этот постоянный спутник человека – заключал в себе информацию не только о материальной среде, но и о духовном мире, о социальном статусе представителя той или иной культуры. Прежде всего, это характерно для традиционного национального костюма, отличавшегося, благодаря такой своей особенности, представителей разных народов друг от друга.

Чтобы воочию убедиться в справедливости данного утверждения, предлагаем провести следующий конкурс: продемонстрировать национальный костюм, описать его и «расшифровать» символическую нагрузку костюма, то есть пояснить, как он раскрывает социальное положение и мировоззрение (прежде всего космологические представления) своего обладателя.

Возьмем для примера башкирский национальный костюм.

Народная одежда башкир представляет собой большое разнообразие, сейчас, правда, мало сохранившееся. В степной части Башкортостана преобладали костюмы, аналогичные среднеазиатским

(широкая халатообразная верхняя одежда, штаны, меховая шапка –малахай), а в лесном и лесостепном регионе – близкие к костюмам народов Поволжья, отчасти заимствованные у татар (мужская и женская рубахи татарского покроя, сшитый в талию кафтан, безрукавка-камзол, войлочные шляпы, ряд женских головных уборов, украшенных монетами). Сохраняя долгое время полукочевой скотоводческий уклад, башкиры широко использовали для приготовления одежды и обуви кожу, шкуры, шерсть. Знать и служители религиозного культа носили халаты из пестрого среднеазиатского шелка.

Особенно разнообразным был женский костюм, в нем ярче проявлялись возрастные и социальные различия. На нем-то мы и остановимся для подробного описания.

Башкирский костюм имел многосоставную структуру, в которой выделялись главные и второстепенные по семантической и декоративной значимости компоненты. Верхняя его часть, символизируя небесное начало, наделялась особой значимостью. Кроме того, голова с незапамятных времен считалась наиболее важной частью тела человека, средоточием его жизни. Поэтому в башкирской народной традиции было не принято обнажать голову. Головной убор как самый важный смысловой элемент был и наиболее декоративным. Женские головные уборы можно условно подразделить на два типа. Один имеет форму своеобразной шапочки, другой представлен платками и покрывалами.

Самыми красочно оформленными были головные уборы замужних женщин, так как они знаменовали переход в другое возрастное состояние и обретение иного социального статуса. На голове замужняя башкирка носила *кашмау* – шапочку, плотно охватывающую голову, с отверстием на макушке и спускающейся на спину лопастью. Он застегивался под подбородком пряжкой, оставляя открытым только лицо. Часть головного убора, у лица и на затылке, т.е. в наиболее уязвимых для внешнего мира местах, декорировалась серебряными монетами и подвесками. Остальные его элементы обильно украшались кораллами, бисером и раковинами. Использование серебра и раковин несло в себе оберегаю-

щую функцию: они защищали от сглаза. Пристрастие к кораллам было связано с развитой символикой красного цвета в магических представлениях башкир. В декоре лопасти кашмау присутствовал узор из квадратов и ромбов, выражавших общие понятия благополучия и плодородия.

Округлая форма кашмау и его место в системе костюма как венчающего элемента вызывает ассоциации с представлением о верхнем небесном ярусе. Использование серебра при украшении головного убора позволяет говорить о символике белого цвета – цвета небесных божеств. Кроме того, на лоб под кашмау повязывалась вышитая шелком повязка (хараус), украшенная изображениями зооморфных и антропоморфных существ. Чаще всего это стилизованные птицы. У башкир птица – и древний тотем, и образ небесных божеств в космологической картине мира.

Девичьими головными уборами были ободки, накосники, налобные повязки, колпачки и платки (*кушъяулык* и *тастар*). Стремление закрыть все уязвимые места присутствовало и здесь. Так, у висков прикреплялись кисти с монетками или длинные подвески, на лоб спускались сеточки из бисера или край с нашитыми на него монетами, завязки с несколькими рядами монет закрывали шею под подбородком. На девичьих ободках сзади располагалась полоса разноцветных бус. Бусины, как и раковины, у тюркских народов являлись символом богини Умай, ассоциируясь с многочисленным потомством. Иногда в дополнение к колпачку у висков помещали шерстяные кисточки и гусиные пушки. Они считались оберегами, являясь реликтами тотемного культа.

Головные уборы в виде платков и покрывал характеризовались изменчивой формой и разнообразием вариантов. Способ их ношения и цвет определялся возрастным и социальным статусом их владелицы. Согласно обычаю замужняя башкирка всегда должна была ходить с покрытой головой. Молодые женщины после свадьбы носили яркое покрывало (*кушъяулык*), в украшении которого использовался преимущественно красный цвет – «символ огня, призванный охранять молодую женщину от злых чар, способствовать умножению животворящих природных сил».

Головные уборы органично дополнялись ювелирными украшениями: подвесками, накладками, браслетами, серьгами, ожерельями и кольцами. Излюбленными камнями были сердолик, бирюза, кораллы, янтарь. Использовались также перламутр, морские раковины-каури, бисер и иногда, за неимением натуральных материалов, красное и зеленое шлифованное стекло. Самым популярным металлом в отделке являлось серебро. Украшения в тюркской традиции были связаны с символикой плодородия и способностью к деторождению – подобными представлениями объясняется, в частности, наличие множества украшений в костюме невесты.

Одним из самых характерных украшений башкирских женщин являлись **нагрудники**. Нагрудник декорировал верхний отдел костюма и был также связан с представлениями о верхнем ярусе. Располагаясь на груди, он делал более заметной и значимой переднюю поверхность женской одежды. Нагрудник носили замужние женщины, поэтому использование в оформлении элементов декора, наделенных оберегательной функцией, возможно, заключало в себе идею продолжения жизни. В частности, украшение нагрудниками бусинами и бисером напоминало декор головных уборов и имело смысл умножения плодородящих сил. Башкирские нагрудники: *яга, селтэр, хакал* и др. – различались по форме, размерам и расположению декора. Во всех украшениях основой служила ткань обычно трапециевидной или округлой формы, на которую нашивали монеты, подвески, кораллы. В некоторых случаях композиция заканчивалась коралловой сеткой с подвешенными на нити монетами, издававшими при движении характерный звон для отпугивания злых духов. Кроме собственно нагрудников использовалась декорированная **перевязь**, которая перекидывалась через левое плечо, пропускаясь под правой рукой. Ее также оформляли нашивкой из монет. Перевязи имели сакральное значение. Среди нашивок на ней помещали кожаные и металлические футлярчики с молитвами. Это может быть объяснено представлением об общности устройства мира и структуры костюма. По воззрениям тюрков, топография космоса включала в

себя углубления, потайные места, соотносимые с областями подмышек и пазух и в системе костюма. В свою очередь, образ пазухи наделялся смыслом сохранения жизни и являлся защищенным положительным пространством.

Частью нательной женской одежды, выполнявшей те же смысловые функции, что и нагрудники, была нагрудная повязка (*тушелдерек* или *кукрякса*). Это сшитый вдвое трапециевидный кусок ткани, украшенный в центре вышитым растительным узором, с тесемками в верхней и нижней части. Располагаясь на теле, повязка закрывала вырез рубахи или платья. Тушелдерек надевали при рождении первого ребенка и снимали уже глубокими старухами. Таким образом, этот элемент костюма четко обозначал наступление детородного возраста. Будучи нательной одеждой, нагрудные повязки обладали усиленной охранительной функцией, являясь скрытым смысловым центром костюма, подобно входу в жилище или очагу. В повязку зашивали написанную на бумаге молитву из Корана «Аятул курси» - такой амулет назывался бету. Он защищал женщину от порчи, приносил удачу и обеспечивал благополучие в доме.

Помимо нагрудной повязки нательной одеждой башкирских женщин были рубаха и широкие штаны, сходные по покрою с мужскими. По конструкции нательную одежду можно отнести к нераспашной. Она оказывалась самой незаметной в костюмном комплексе и не предназначалась для посторонних глаз. Нательная одежда несла серьезную семантическую нагрузку, как самая близкая к человеку оболочка, поэтому ее старались украсить орнаментом с ромбами и др. геометрическими фигурами, использовали красный цвет. Такой декор имел четко выраженную оберегательную функцию и наносился на пограничные с внешним миром места: по вороту, вдоль разреза на груди, на окончаниях рукавов и по подолу.

В старину женщины поверх длинной рубахи-платья носили халат. Позже появились комплекты с приталенной безрукавкой-камзолом или кафтаном. В западных районах Башкирии платье сочетали с расшитым узорами фартуком. Камзолы различали

праздничные и будничные. Будничные изготавливали из материала попроще и почти без украшений. Нарядный камзол шили из темных полушерстяных тканей или из бархата, края отделывали контрастным позументом, который эффектно выделялся на темном фоне. По всей передней части, а также внизу в несколько рядов располагались серебряные монеты. В области груди симметрично нашивали ювелирные изделия. Таким образом, передняя верхняя часть была самая видимая и богато декорированная. Также, как и на другой одежде украшались места, пограничные с внешним миром, согласно устойчивым охранительным традициям.

Поверх камзолов носили чекмени, еяны, позже появились бишметы. **Чикмень** надевали и мужчины, и женщины. Он изготавливался из сукна белого или сероватого цвета. Конструкция чикменя была рассчитана на возможность запахивать халат с любой стороны, застежки не предусматривались. Женщины, в отличие от мужчин, не подпоясывали чекмень. Белое сукно женских халатов украшалось аппликацией. Ворот, полы и подол, а также окончания рукавов обшивались широкой полосой материи красного цвета, дополнявшейся несколькими узкими полосками. В верхней зоне халата присутствовали треугольные нашивки с пуговицами по углам, заканчивающиеся разноцветными кисточками красного и зеленого цвета. В нижней части кисти сочетали с рогообразным узором. Очевидно, такие кисточки предохраняли от сглаза, так как подобным образом украшались и башкирские обереги.

Орнамент, украшавший халаты, содержал в себе космологическую символику. Узор в верхней части – нашитые треугольники – отличался от узора внизу, где применялся элемент «кускар» («рога барана»). Различие в орнаменте, возможно, обозначало разные ярусы, ассоциировавшиеся с небом и землей. «Рога барана» были связаны с животными, дающими пищу, одежду и кров, т.е. с тем, что находится на земле, а значит, внизу. Вероятно, они символизировали благополучие и плодovitость. Располагавшиеся в верхней части треугольники могли иметь значе-

ние птиц (например, типично стилизованное изображение птиц в виде треугольников для оформления деревянных сосудов тэпэн) и таким образом связывать эту зону с небесным ярусом.

Самой нарядной и красочной являлась приталенная старинная женская одежда – халаты *еляны*. О декоративном убранстве еляна известно, что вокруг груди и воротника он оторачивался цветными лоскутками и обвешивался мелкой монетой. Еляны шились из темных тканей, на этом фоне контрастно выделялись отороченные блестящим многослойным позументом края и расположенный по низу и в передней части до уровня талии декор, состоящий из вышивки цветными нитками, бусинами кораллов и серебряными монетами. В целом расположение узора выделяло нижнюю, среднюю (линию талии, окончания рукавов) и верхнюю (плечи и грудь) зоны. Такое членение отчетливо воспроизводило модель строения мира. Обращает на себя внимание то, что нижняя зона женских халатов, наряду с верхней передней, является наиболее декорированной. Объяснение подобному характеру оформления можно найти в тюркской традиции, по которой подол и полы одежды относятся к деталям костюма, образующим устойчивый семантический комплекс «производительного низа», воплощающего идею плодородия.

Завершающим компонентом костюма была обувь. Она тесно взаимодействовала с землей и составляла нижний ярус единой структуры одежды. Соответствующая семантическая нагрузка отражается в декоре традиционной башкирской обуви *сарык* и *ката*. Эти виды обуви состояли из кожаного низа и суконного голенища, только ката делалась с каблуком. Появились они в скотоводческой среде. Учитывая это обстоятельство, можно соотнести их смысловую насыщенность с тюркскими представлениями о воплощении в обуви двух противоположных начал – жизни и смерти. Действительно, обувь характеризовала нижний ярус, как и полы одежды, обозначавшие плодovitость. Одновременно эта зона связывалась в мифологическом сознании с подземным миром, с традиционными представлениями о смерти. Сложный узор, наносимый на суконное голенище, представлял собой композиции из рогаобразных

мотивов, перемежавшихся с ромбами. Если исходить из предположения, что мотив «рога барана» ассоциировался с ярусом земли, становится понятным такое широкое его применение в оформлении обуви. Узор на обуви, как и на одежде, защищал человека от вредных воздействий. На ката и на сарыки в ряде случаев нашивались кисточки, которые выполняли роль оберегов.

Список литературы:

Андреева, А. Ю. Русский народный костюм. Путешествие с севера на юг: научно-популярная литература / А. Ю. Андреева. - СПб.: ПАРИТЕТ, 2005. - 136 с.: ил

Башкирский народный костюм. - Уфа, 1992. - С. 102-104

Вардугин, В. И. Русская одежда: История народного костюма от скифских до советских времен с очерками обрядов, обычаев, нравов и суеверий, иллюстрированная гравюрами, рисунками и фотографиями мастеров XVIII - начала XX в., с приложением рассказа, как самим сшить нарядное платье по старинному крою / В. И. Вардугин В. И. - Саратов: Детская книга, 2001. - 351 с.: ил.

Жуковская, Н.Л. От Карелии до Урала: Рассказы о народах России / Н.Л. Жуковская, Н.Ф. Мокшин. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 320 с.

Завьялова, М. Татарский костюм: Из собрания Государственного музея Республики Татарстан / Завьялова М. - Казань: ЗАМАН, 1996. - 256 с.: ил

Казбулатова, Г. Костюм как знаковая система / Г. Казбулатова // Ватандаш. - 2003. - N 7. - С. 69-78.

Кирсанова, Р. М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков: историческая литература / Р. М. Кирсанова. - М.: Слово, 2002. - 219 с.: ил.

Костюм в России XV-XX века: Из собрания государственного исторического музея. - М.: АРТ-Родник, 2000. - 231 с.: ил

Масленникова, Т. А. "Башкирский костюм" / Т. А. Масленникова // Народное творчество. - 2005. - № 6. - С.50

Масленникова, Т.А. Отражение представлений о космосе в

башкирском народном костюме / Т.А. Масленникова // Традиционная культура. – 2006. - № 1. – С. 11-21.

Мерцалова, М. Н. Костюм разных времен и народов : в 4 т. / М. Н. Мерцалова. - М.: Академия моды, 1993. - 543 с.: ил.

Мухамедова, Р.Г. Татарская народная одежда / Р.Г. Мухамедова. – Казань, 1997. – 224 с. – На рус. и татар. яз.

Народы России: энциклопедия / Ред. В.А. Тишков. – М.: Большая Российская энцикл., 1994. – 479 с.

Николаев, В. В. Чувашский костюм от древности до современности: научное издание / В. В. Николаев. - М. ; Чебоксары ; Оренбург , 2002. - 400 с. : ил. - На рус., чув. и англ. яз.

Шитова, С.Н. Исторические особенности башкирского народного костюма / С.Н. Шитова. - Уфа, 1995. - С. 10 – 65



Национальная кухня

Конкурс с дегустацией

Многие элементы народных культур не сохранились в современном мире. Однако некоторые национальные традиции оказались настолько устойчивыми, что, пусть отчасти видоизменившись, прочитываются и сейчас, позволяя различать культуры разных народов. К ним относится и самобытная национальная кухня, которая есть «основа современной кухни любого народа, источник творчества в искусстве кулинарии». Поэтому представляется интересным провести конкурс рецептов национальной кухни. Можно сделать его частью дня информации, посвященного какой-то одной национальной культуре, или собрать на одном конкурсе кулинарные рецепты разных народов. Оценить оригинальность и вкусовые качества того или иного национального рецепта лучше на практике – через дегустацию приготовленного по нему блюда.

Для примера приводим несколько рецептов разных национальных кухонь:

Русская кухня.

Ни в какой другой национальной кухне не представлено такое разнообразие типов супов, как в русской. Их можно разде-

лить, по крайней мере, на семь больших групп: холодные супы с использованием кваса как основной жидкости; похлебки, основу которых составляют вода и овощи; супы-лапша с мясной, грибной и молочной гаммой; щи – основной тип русских супов; рассольники и солянки – тяжелые супы на мясном бульоне и солено-кислой основе; уха и калья – две главные разновидности рыбных супов; супы на крупяной и крупяно-овощной основе.

Солянки – густые острые супы, соединяющие в себе компоненты щей (капуста, сметана) и рассольников (соленые огурцы, огуречный рассол), со значительно усиленной кисло-солено-острой основой в результате добавления таких приправ, как маслины, каперсы, помидоры, лимон, квас, соленые или маринованные грибы. Солянки бывают трех видов: мясные, рыбные и грибные.

Солянка грибная:

1,5 л. воды; 6-8 сухих белых грибов; 2 стакана соленых грибов; 12 маслин; 2 стакана мелко нарезанной капусты; 1,5 стакана квашеной капусты; 1 морковь; 1 петрушка; 2 ст. ложки укропа; 0,5 стакана сметаны; 1 сельдерей; 2 луковицы; 2 ст. ложки сливочного масла; 2 помидора; 3 лавровых листа; 10 горошин черного перца; 0,5 лимона или 0,5 стакана кислого кваса.

1. Подготовить грибной бульон: отварить сухие грибы, вынуть их, когда размякнут, нарезать соломкой, вновь положить варить, добавив морковь, петрушку, сельдерей, нарезанные соломкой.

2. Свежую и квашеную капусту потушить вместе с помидорами и луком на масле до мягкости.

3. Соленые грибы ошпарить, нарезать мелкими кусочками.

4. Соединить продукты, указанные в пунктах 1, 2, 3, добавить пряности и варить 15 мин. на умеренном огне. Готовую солянку заправить сметаной и соком лимона.

Украинская кухня.

Для мясных украинских блюд характерно не только то, что готовят их в основном из свинины, но и то, сочетают при этом два

вида тепловой обработки мяса – предварительное обжаривание и последующее тушение с овощами и пряностями.

Шундра:

500 г. свиной грудинки; 1,5 ст. ложки свиного топленого сала; 500-750 г. свеклы; 4-5 луковиц; 1 стакан свекольного кваса; 1 ст. ложка муки; 1 ст. ложка зелени петрушки.

Свиную грудинку нарезать мелкими кусочками, обвалить в муке, обжарить в сале с луком, заложить в кастрюлю, перемешать с нарезанной кусочками свеклой, залить свекольным квасом, посолить и тушить до готовности.

Приготовление свекольного кваса: 0,5 кг черного хлеба нарезать кусочками, залить 1,5 л. Теплой кипяченой воды, положить 6 штук очищенной и порезанной ломтями свеклы, дать настояться два дня (днем на солнце, ночью в теплом месте). На третий день процедить. Свекольные квасы и настои используют также для приготовления украинских борщей.

Белорусская кухня

Особое место в белорусской кухне занимает картофель. Она знает около двух с половиной десяткой блюд из картофеля, каждое из которых не похоже на другое. Эти блюда прочно закрепились в меню и составляют обязательную, неприменную, существенную часть национального стола. Объясняется это историческими причинами – проникновением картофеля в Белоруссию примерно на 75-90 лет раньше, чем в Россию, а также природно-климатическими условиями, облегчавшими выведение и развитие высококрахмалистых, вкусных сортов картофеля.

Картофляники:

20 шт. картофеля; 5 ст. ложек крахмала (или муки); 1 яйцо; 1 ст. ложка масла сливочного; 1 стакан сметаны; 5 ст. ложек сливочного масла; 5 шт. лука репчатого; соль.

Картофель отварить «в мундире», очистить, протереть, смешать с крахмалом (или мукой), маслом, яйцами, солью, перцем, хорошо перемешать и слепить шарики (ромбики или кубики). Уложить их на смазанный маслом противень (или на сковоро-

ду) и запечь в духовке. Полить сметаной (или маслом), заправить жареным луком и припускать минут пять. Перед подачей на стол посыпать измельченным зеленым луком или укропом.

Армянская кухня

Армянская кухня – одна из древнейших кухонь в Азии и самая древняя в Закавказье. Ее черты сложились еще, по крайней мере, за тысячелетие до нашей эры в период формирования армянского народа и сохраняются и сохраняются во многом до наших дней. Например, рецепт рыбного блюда *кутан* за последние 1500 лет совершенно не изменился и до сих пор остается любимым блюдом армян.

Кутан:

1,5 кг. форели; немного сливочного масла; 0,5 стакана риса, 0,5 стакана изюма, чайную ложку имбиря и соль.

Форель очистить и аккуратно выпотрошить, не разрезая брюшка (через отверстие, образовавшееся после удаления жабр). Затем рыбу наполнить отваренным рисом, заправленным маслом, изюмом и имбирем. Положить форель на смазанный маслом и посыпанный сухарями противень и запечь в духовке.

Грузинская кухня

Подобно французской кухне грузинская немыслима без соусов. При этом грузинские соусы принципиально отличаются от европейских – в качестве основы для них используется исключительно растительное сырье. Большое распространение имеют ореховые соусы, где основой служат толченые орехи, разведенные либо бульоном, либо водой, либо винным уксусом. Своеобразно и применение соусов в грузинской кухне: один и тот же может применяться к совершенно разной основе (мясной, овощной и даже рыбной) и в зависимости от этого давать разные блюда. Таково, например, применение соуса сациви.

Сациви из баклажанов:

1,2 кг. баклажанов; 1 стакан очищенных грецких орехов; 1 шт. лука репчатого; 20 г. чеснока; 1,25 стакана уксуса; перец крас-

ный молотый; зелень сушеная; соль.

Баклажаны, обрезав концы, разрезать вдоль, обдать кипятком и выдержать в нем 10 мин. Затем положить на 30 мин. Под пресс. Приготовить фарш из половины набора продуктов (т.е. измельчить и смешать), начинить им баклажаны. Оставшуюся половину развести слабым раствором уксуса, посолить, залить фаршированные баклажаны и мариновать три дня. Подавать как холодную закуску.

Сациви из птицы:

1,5 кг индейки или курицы. Для соуса: 0,5 кг орехов грецких; 3 ст. ложки масла сливочного; 4 шт. лука репчатого; 1 ст. ложка муки; 4 ст. ложки уксуса винного; чеснок, зелень, хмели-сунели, шафран, перец черный молотый, соль.

Птицу отварить до полуготовности, посолить, смазать жиром, обжарить в духовке до готовности. Затем разрубить на две части. Измельченный лук обжарить, добавить муку, после чего постепенно развести бульоном, добавить уксус, соль, измельченную зелень, толченый чеснок, хмели-сунели. Потушить птицу в полученном соусе 10 мин. Орехи измельчить, отжать масло, развести настоем шафрана и бульоном, смешать с толченым стручковым перцем и добавить к тушащейся птице. Затем снять кастрюлю с огня и остудить. Подавать как холодную закуску, сбрызнув ореховым маслом.

Узбекская и таджикская кухни

Для современной кухни таджиков и узбеков характерно использование большого количества мяса, преимущественно бараньего, и абсолютное исключение свинины и жирной домашней птицы – уток, гусей. Для обоих народов показательно сочетание зерновых, бобовых и овощей с мясом и тестом.

Плов.

Одним из самых распространенных блюд является плов, число видов которого достигает нескольких десятков.

Для подавляющего большинства пловов типичен классический набор продуктов: баранина, рис, морковь, изюм или урюк и

смесь трех видов пряностей – красного перца, барбариса и ажгона (зиры). Приготовление настоящего узбекского плова состоит из трех операций: 1. Перекаливание масла; 2. приготовление зирвака; 3. закладка риса и доведение плова до готовности.

Перекаливать масло следует в металлической (лучше всего чугунной, но не в коем случае не эмалированной) посуде с толстым, овально закругляющимся дном – в казанке, котле или в похожей на них кастрюле. Чаще всего используется комбинация растительных масел с животными жирами. Сливочное и топленое масло перекаливанию не подлежат.

В перекаленное масло закладывают в следующей последовательности (если в рецепте не оговорена другая): мясо, нарезанное крупными или мелкими кусками; лук, нарезанный кубиками или толстыми кольцами; морковь, нарезанную соломкой или кубиками. Моркови кладут всегда вдвое меньше риса и примерно столько же, сколько мяса. Каждый из трех компонентов зирвака пережаривают последовательно. В приготовленный зирвак (примерно через 20-30 мин.) добавляют смесь пряностей из расчета 1-1,5 ч.л. смеси на 500 г. риса. Затем зирвак солят и заливают небольшим количеством воды – четверть или половина стакана на каждые 500 г. риса. Подготовленный зирвак разравнивают, уменьшают огонь и засыпают ровным слоем риса, который слегка приминаю шумовкой, но не в коем случае не смешивают с зирваком. Утрамбованную поверхность риса осторожно заливают водой, следя за тем, чтобы слой риса не разрушился. Рис должен быть прикрыт водой на 1-1,5 см. Затем огонь усиливают, но следят, чтобы плов кипел равномерно. Воду поверх риса досаливают и иногда добавляют в нее пряности, прежде всего куруму, которая окрашивает рис в золотисто-лимонный цвет. Во время кипения плов не закрывают крышкой, но когда вода полностью испарится, его накрывают очень плотно тарелкой или блюдом на 15-20 минут, чтобы плов упрел. Только после этого плов равномерно перемешивают и подают на стол.

Башкирская кухня.

В связи с тем, что у башкир на протяжении многих веков ведущее место в хозяйстве занимало скотоводство, у них сформир-

ровалась молочно-мясная кухня. С постепенным переходом на оседлый образ жизни, к земледельческим занятиям, в ней большое место стали занимать и блюда, приготовленные из злаков.

Билеш с бараниной:

1 кг. муки; 1,5 стакана молока; 0,5 стакана воды (для растворения соли); 4 яйца; 2-3 ст. ложки сала растопленного; 2 ч.л. соли; 1-1,5 кг. мяса; 1,5 кг. картофеля; 2 луковицы; 2-3 ст. ложки масла, лавровый лист, соль и перец по вкусу, 2 стакана бульона (для подлива в билеш).

Замесить пресное тесто на молоке и топленом сале и разделить на два неравных куска. Из большого раскатать сочень толщиной 5-6 мм. И положить на слегка смазанную жиром сковороду, чтобы края теста выходили на 4-5 см. На тесто уложить мелкие кусочки баранины, крупно нарезанный картофель, кубики лука, лавровый лист, посолить, посыпать перцем, положить сливочное масло и накрыть сочем поменьше. Края сочной соединить и защипать. В середине билеша сделать отверстие, через него подливается бульон. Отверстие закрыть шариком из теста, а чтобы он не пристал к сочню, смазать отверстие маслом. Верх билеша смазать яйцом и выпекать в печке или духовом шкафу в течение 1,5-2 часов. Чтобы верхняя корка не подгорела, накрыть ее смоченной бумагой. Через час подлить бульон, а затем, по готовности, чуть выдержать билеш в печи.

Еврейская кухня

В еврейской кухне особое место принадлежит блюдам, которые готовят к религиозным праздникам.

Например, *харосет* – это, по большому счету, не совсем десерт. Он является частью символической трапезы (Седера), которая проходит на Пейсах. Различные рецепты этого блюда уходят корнями на 2000 лет вглубь веков. Харосет – это смесь, символизирующая глину, из которой рабы-евреи в Египте делали кирпичи.

Харосет:

1 большое печеное яблоко; 0,5 стакана орехов миндаля; 1 ч.л. молотой корицы; 2 ст. ложки сладкого красного вина.

Очистить яблоко, мелко нарезать, соединить с миндалем., используя кухонный комбайн. Следите, чтобы смесь не получилась слишком мелкой – она должна быть крупитчатой. Смешать корицу и сладкое вино, подмешать их в яблочную смесь. Цвет и настоящий вкус появляются через несколько часов.

Марийская кухня

Обилие в Марий Эл лесов способствовало созданию своеобразных и вкусных блюд из даров леса, содержащих много витаминов и минеральных веществ.

Сукыр кинде (каравай):

3 стакана муки овсяной (или ячневой, пшеничной); 0,3 стакана воды; 15 г. дрожжей; 2,5 ст. ложки маргарина; 1 яйцо; 0,5 стакана молока; 6 ст. ложек меда; 40 г. клюквы (или брусники, рябины, калины); соль.

Приготовить опарное дрожжевое тесто, положить в него перебранные и промытые ягоды, 4 ст. ложки меда и хорошо перемешать. Затем вылепить овальной формы каравай, уложить его на смазанный маслом противень, оставить минут на пятнадцать для расстойки, смазать медом и выпечь.

Брусника с медом:

260 г. брусники; 180 г. меда.

Перебранную бруснику моют, помещают в кастрюлю, добавляют мед и кипятят пять минут. Затем снимают, остужают и подают.

Татарская кухня

В татарской кухне также большим лакомством считались ягоды и мед, из которых готовились различные сладкие блюда, например, домашняя помада (*татлы*).

Кисло-сладкая помада:

На 1 кг. рябины 400 г. меда, 300 г. сахара.

Рябину перебрать, промыть холодной водой, затем ошпарить кипятком, дать стечь и подсушить. В отдельной посуде приготовить медовую массу как для чэк-чэка (всыпать в мед сахарный песок и кипятить, пока взятая на ложку и опущенная в холодную воду масса не станет скатываться в твердый шарик). В эту массу положить рябину и кипятить 8-10 минут. Татлы выложить в промасленный эмалированный лист слоем 2-3 мм. И поставить на холод. Застывшую татлы разрезают кубиками и ромбиками и подают к чаю.

Список литературы:

Джексон, Д. Еврейская кухня: 70 рецептов национальной кухни / Д. Джексон. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 96 с.

Жуковская, Н.Л. От Карелии до Урала: рассказы о народах России / Н.Л. Жуковская, Н.Ф. Мокшин. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 320 с.: ил.

Кухня народов мира / Сост. В.А. Челембиенко, И.В. Зигуля. – Харьков: Прапор, 1993. – 461 с.

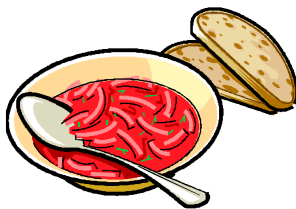
Поливалина, Л.А. 500 блюд украинской кухни / Л.А. Поливалина. – М.: Вече, 2000. – 432 с.

Похлебкин, В.В. Национальные кухни наших народов: основные кулинарные направления, их история и особенности / В.В. Похлебкин. – М.: Легкая и пищевая промышленность, 1983. – 304 с.

Татарская кухня. – Казань, 1993. – 319 с.

Хатранова, Т.А. Армянская кухня / Т.А. Хатранова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 320 с.

Энциклопедия кавказской кухни / Сост. Л.И. Зданович. – М: Вече, 2000. – 464 с.



Содержание

Националь: как построить «Дом дружбы»?	1
Презентация книжной выставки «Националь»	4
• Раздел I Национальная география.....	4
• Раздел II Национальная история.....	5
• Раздел III Национальный герой.....	6
• Раздел IV Национальная азбука.....	7
• Раздел V Национальная книга.....	8
• Раздел VI Национальная сказка	10
• Раздел VII Национальная шутка.....	11
• Раздел VIII Национальный праздник.....	12
• Раздел XIX Национальный костюм.....	13
• Раздел X Национальная кухня.....	15
Методические рекомендации по работе над проектом	16
• Национальная география <i>Географическая справка</i>	16
• Национальная история.....	19
• Национальный герой <i>Коста Хетагуров и Габдулла Тукай – Созвучие судьбы и творчества</i>	22

•Национальная азбука	
<i>Любопытные факты, тайны и загадки из истории письменности.....</i>	35
•Национальная книга	
<i>О некоторых современных тенденциях и проблемах национальных литератур. (На примере литератур Кавказа и Прибалтики) Материалы для проведения круглого стола.....</i>	47
•Национальная сказка	
<i>Викторина для школьников.....</i>	55
•Национальная шутка	
• <i>Или об особенностях национального юмора.....</i>	62
• Национальный праздник	
<i>Кроссворд</i>	77
•Национальный костюм	
<i>Конкурс с демонстрацией.....</i>	80
•Национальная кухня	
<i>Конкурс с дегустацией</i>	89

Для заметок

© Компьютерный набор: В.В. Арсентьева, 2006

© Верстка, макет: А.Ю. Сидельников, 2006

© Свердловская областная межнациональная
библиотека, 2006



**Свердловская областная
международная библиотека**



620146, г. Екатеринбург, ул. Бардина, 28



(343) тел. 240-44-55, факс 243-17-00



**А. 21, 42, 43, 46, 76
Т. 11 (ост. Чкалова)**



**E-mail: somb@somb.ru
<http://www.somb.ru>**